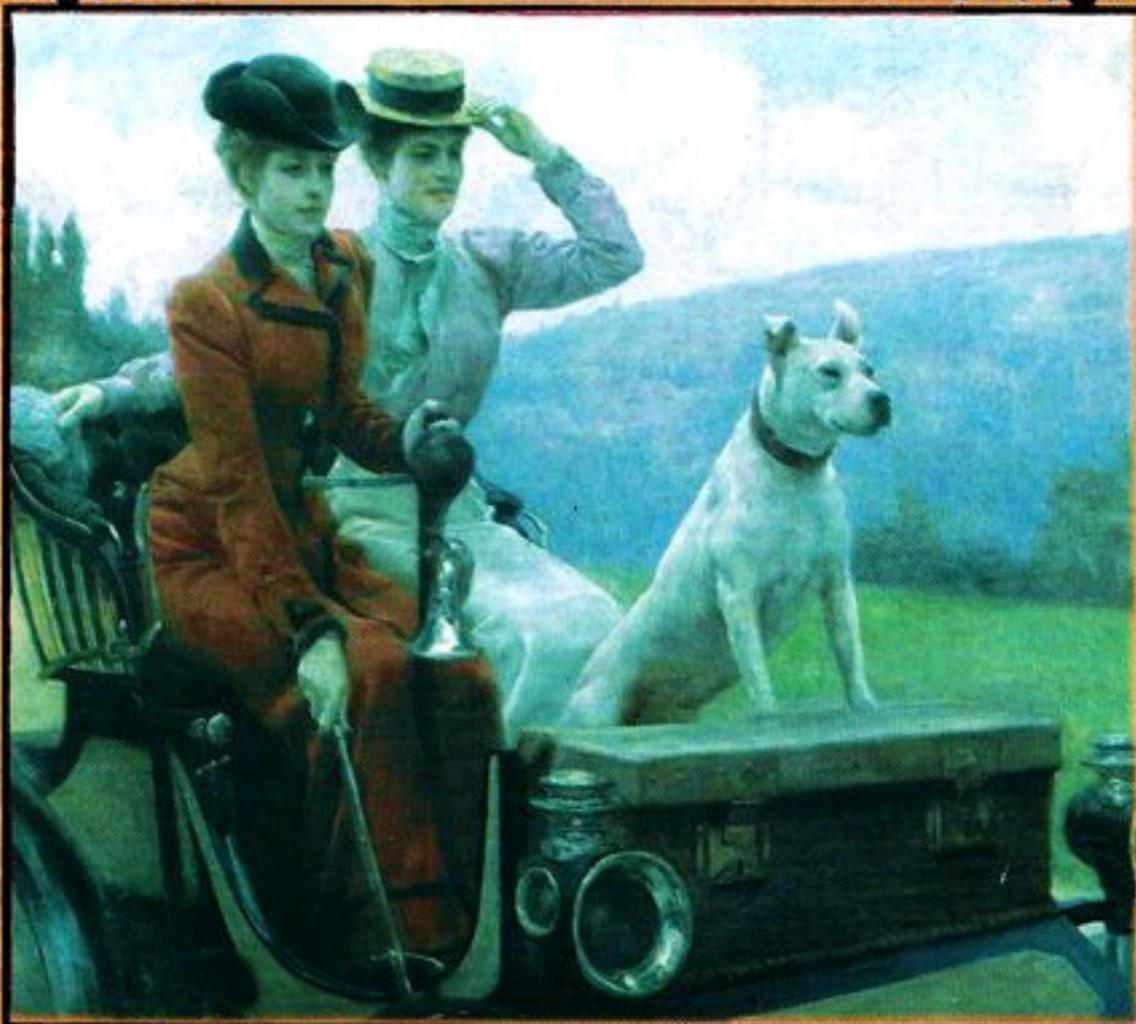

ДЖЕРОМ К.
ДЖЕРОМ

↓
Ангел, автор и другие
Беседы за чаем
Наблюдения Генри
↑

✦ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✦

**Джером Клапка Джером
Ангел, автор и другие. Беседы за
чаем. Наблюдения Генри (сборник)**

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6495372

Джером, Дж.К. Ангел, автор и другие. Беседы за чаем. Наблюдения Генри: АСТ, Астрель; Москва;

2011

ISBN 978-5-17-074838-9, 978-5-271-38189-8

Аннотация

Непривычный Джером К. Джером.

Не веселый юморист, радующий читателя очередными приключениями «настоящих английских джентльменов», а мудрый, во многом опережающий свое время эссеист и сатирик.

Тонкий английский юмор Джерома сменяется язвительной иронией, веселье перемежается с грустью – и мы заново открываем для себя давно знакомого писателя.

Содержание

Ангел, автор и другие	5
I	5
Автор рассказывает о своих благодеяниях	6
Судя по всему, ангелы тоже совершают ошибки	7
Автор тревожится о своих инвестициях	7
Мыслитель вопрошает	8
II	10
Философия и демон	10
Когда демон безмолвствует	10
Требуется жизненная философия	11
Боги, несомненно, относятся к подоходному налогу следующим образом	12
Батрак и вселенское добро	13
III	15
Литература и средний класс	15
Может ли интеллеktуал жить в Сарбитоне?	16
Почему прохожий любит только герцогинь?	17
Как возвысить британскую драму	18
А что, если выучиться на лакея?	19
Человек и его хозяин	19
Почему человек в форме смотрит так печально	21
Единственный друг путешественника	22
Как плохо быть неизвестным	23
IV	24
Жаль, что природа лишила нас хвостов!	24
Дети всегда говорят правду!	24
Каждый получил причитающееся по праву!	26
Выступать должны лишь те, у кого это хорошо получается	27
Мир наделен скрытым смыслом!	28
V	29
Огонь и иностранец	29
Моя британская глупость	30
Меня считают сумасшедшим	31
Порой я мечтаю превратиться в американскую даму	32
Безмерная страсть к почтовым открыткам	32
Открытка как родовое проклятье	33
Мечта художника	34
А почему бы для разнообразия не обратиться к вечной мужественности?	35
Каким образом искусство губит женщин	35
Как трудно жить в постоянном стремлении к идеалу	36
VI	37
Леди и проблема	37
Сценический герой, который однажды сказал правду	38
Куда деваться бывшему мужу?	39

Что должна делать леди, после того как покончит с мужем?	40
Возможно ли, чтобы виноватой оказалась сама героиня?	40
VII	41
Цивилизация и свободные от работы граждане	41
Первые проявления демпинга	41
Крикет с точки зрения инопланетян	42
Наследник многовековой истории человечества и его достояние	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Джером К. Джером Ангел, автор и другие. Беседы за чаем. Наблюдения Генри (сборник)

Ангел, автор и другие

I

Не так давно, недели через две после Рождества, меня расстроил неприятный сон. Приснилось, что я выпорхнул из окна в одной пижаме и начал подниматься все выше и выше. Полет доставлял радость. «Меня заметили», – подумал я. Наверное, я оказался слишком хорошим, слишком добродетельным. Небольшая порция порока помогла бы продлить жизнь. Но невозможно иметь все. Мир постепенно удалялся, становился мельче, а потом и вовсе растаял в дымке. Лондон запомнился длинной вереницей фонарей на набережной. Еще немного, и от города осталось лишь слабое сияние. Именно в этот момент странного путешествия за спиной внезапно послышались ровные, неторопливые взмахи крыльев.

Я обернулся. Следом летел ангел, отмечающий добрые дела и грехи. Выглядел он утомленным, должно быть, устал от трудов.

– Да, – грустно заметил он. – Рождество – нелегкое время.

– Еще бы! – воскликнул я. – Удивительно, как вы вообще справляетесь. Видите ли, в эти дни всех нас – и мужчин, и женщин – неожиданно осеняет щедрость. Восхитительное чувство, скажу я вам.

– Остается только позавидовать, – согласился он.

– Как только открываются предпраздничные базары, сразу начинают чесаться руки, – признался я. – Одни сентиментальные картинки чего стоят! Прелестная девчушка в пушистой шубке нежными ручонками протягивает сэндвич продрогшему нищему. Добродушный розовощекий сквайр одаривает рождественским пудингом благодарных деревенских жителей. Сразу хочется пойти и самому сделать что-нибудь хорошее.

– И так происходит не только со мной, – продолжал я. – Меньше всего хотелось бы, чтобы у вас создалось впечатление, будто кроме меня щедрых людей в мире не существует. Главное достоинство Рождества в том и заключается, что все вокруг добреют на глазах. Какие искренние чувства мы расточаем! Какие возвышенные поступки совершаем! С предпраздничных дней и почти до конца января! Должно быть, каждое благое начинание доставляет вам глубокое удовлетворение.

– Да, – подтвердил он. – Бескорыстные порывы чрезвычайно радуют.

– И не только вас – нам самим они тоже приносят немало приятных минут, – заметил я. – Признаюсь, люблю вспоминать собственные добрые дела. Даже подумываю завести дневник и регулярно записывать достойные внимания события. Представляете, как полезно будет почитать детям?

Идея показалась ему вполне разумной.

– Должно быть, в вашей книге, – я показал на толстый том у него в руках, – собраны добрые поступки, совершенные смертными за последние шесть недель?

Фолиант выглядел весьма внушительно.

– Да, – ответил он. – Здесь подробно записано все хорошее, что успели сделать люди.

Автор рассказывает о своих благодеяниях

Не желая прерывать беседу, я полетел рядом. Не то чтобы добросовестность и тщание ангела вызывали сомнение, но зачем же упускать приятную возможность поговорить о себе?

– Пять шиллингов, внесенные в открытый «Дейли телеграф» фонд в поддержку безработных, считаются? – с трепетом поинтересовался я.

– Да, – успокоил он. – Сумма уже учтена.

– Вообще-то, если хорошо посчитать, получится целых десять шиллингов, – добавил я. – Просто в первый раз мою фамилию неправильно записали.

Он ответил, что оба взноса вошли в реестр.

– А еще я участвовал в четырех благотворительных ужинах, – напомнил я. – Правда, забыл, на какие именно цели собирались средства: по утрам голова отказывалась работать. Шампанское всегда дурно на меня влияет. Но, понимаете ли, если не заказать бутылку шампанского, то все вокруг подумают, что вы не в состоянии позволить себе лишние расходы. Не то чтобы я не любил игристые вина. Все дело в печени. Если выпить больше...

Он перебил, заверив, что ужины не прошли незамеченными.

– На прошлой неделе подписал для благотворительного базара несколько своих фотографий.

Он сказал, что помнит и об этом.

– Участвовал и в обычных балах. Дважды. Должен признаться, что не слишком увлекаюсь танцами, но всегда готов поддержать компанию и сыграть партию-другую в бридж. Даже на маскарад ходил, в костюме сэра Уолтера Рэли. Далеко не все джентльмены осмеливаются надеть бриджи и продемонстрировать обтянутые чулками ноги. Но если отсутствуют противопоказания, то почему бы и нет? Нечасто выпадет возможность предстать в самом выгодном свете.

Он заверил, что все три светских события заняли в перечне подобающее место и получили достойную оценку.

– Не сомневаюсь, что вам запомнилось, как на позапрошлой неделе я исполнил роль Толбота Чампни в «Наших парнях» на вечере в пользу фонда поддержки бедных викариев, – заметил я. – Не знаю, видели ли вы заметку в «Морнинг пост», но...

Он снова перебил, раздраженно заявив, что комментарий «Морнинг пост», каким бы ни оказался, остается целиком на совести критика, а ко мне не имеет ни малейшего отношения.

– Конечно, – согласился я. – Между нами говоря, не думаю, что фонд получил значительную сумму. Накладные расходы, с учетом закусок и прочего, как правило, забирают немалую долю. Но вот мой Толбот Чампни наверняка всем понравился.

Он ответил, что присутствовал на спектакле и уже представил начальству собственный отчет.

Я счел необходимым напомнить о четырех билетах на благотворительное представление в Альберт-Холле, сбор от которого пошел на поддержку британцев, попавших в затруднительную ситуацию в Иоганнесбурге. Далеко не все знаменитые актеры и актрисы, объявленные в афише, смогли принять участие в концерте, однако каждый прислал письмо с выражением сочувствия и поддержки. Зато те знаменитости, о которых прежде никто не слышал, явились все до одного. В целом зрелище стоило потраченных денег, жаловаться не приходится.

Конечно, имели место и другие благие поступки, хотя вспомнить удалось далеко не все. Много добра успел я сотворить. Пришла на память распродажа подержанных вещей,

куда отправил всю старую одежду; случайно туда попало и почти приличное пальто, которое еще можно было надеть. А как-то раз я купил лотерейный билет: надеялся выиграть машину.

Ангел заверил, что волноваться не стоит, так как все учтено, даже то, о чем, возможно, я и сам успел забыть.

Судя по всему, ангелы тоже совершают ошибки

Любопытство одержало верх. Между нами установились прекрасные отношения, во всяком случае, так мне показалось, и я осмелился спросить, нельзя ли ознакомиться с реестром. Он ответил, что возражений быть не может, и открыл нужную страницу, а я взлетел чуть выше и заглянул через плечо. Даже сейчас с трудом верю, что увидел во сне подобную глупость.

Оказалось, что все учтено неправильно!

Вместо того чтобы пополнить кредитную часть счета, ангел записал хорошие поступки в дебет, а вдобавок перемешал с грехами – проявлением лицемерия, тщеславия, самолюбования. В графе «Милосердие» за последние полгода числилась одна-единственная запись: оказалось, что когда-то поздним дождливым вечером я уступил место в трамвае бедно одетой старушке, которая даже не потрудилась поблагодарить, потому что дремала на ходу. Если верить недобросовестной классификации, получалось, что я напрасно откликнулся на призывы к филантропии и зря тратил время и деньги.

Поначалу я не рассердился. Думал, что произошла всего лишь формальная ошибка.

– Каждый из поступков в отдельности отмечен правильно, – заметил я вполне дружелюбно. – Однако должен указать на неточность. Да-да, все мы то и дело совершаем подобную оплошность: записи попали не в ту графу, в которой должны были оказаться. Остается лишь надеяться, что промахи такого рода случаются нечасто.

Ангел повернулся и посмотрел с возмущительным спокойствием и предосудительной уверенностью в собственной правоте.

– Ошибка невозможна, – бесстрастно заявил он.

– Невозможна? – вскричал я. – Ах вы невежественный...

Он устало вздохнул и захлопнул реестр.

Я настолько рассердился, что попытался выхватить книгу, но, непонятно почему, тут же начал падать. Слабый свет внизу становился все ярче, а вскоре огни Лондона с бешеной скоростью помчались навстречу. Еще немного, и я рухнул бы на шпиль Большого Бена. Несколько судорожных движений помогли избежать страшной участи и шлепнуться в реку.

В этот момент сон оборвался.

С тех пор усталое печальное лицо ангела так и стоит перед глазами. Избавиться от воспоминания почему-то никак не удается.

Возможно, было бы правильнее не тратить деньги на всякие глупости, а просто раздать их бедным, ничего не прося взамен. Способна ли та ничтожная часть нашего состояния, которую мы бездумно швыряем в ящик для пожертвований, удовлетворить непрактичного идеалиста, предложившего отказаться от финансового благополучия в пользу неимущих? Остается лишь пожать плечами.

Автор тревожится о своих инвестициях

Что, если милосердие – это лишь слабая уступка совести, своего рода недорогая страховка на тот крайний случай, если вдруг окажется, что иной мир все-таки существует? Вдруг благотворительность отдает Господу только то, без чего мы запросто обходимся?

Вспоминаю, как одна леди занялась генеральной уборкой и решила избавиться от хлама. Акцию она назвала «Дар фонду чистого воздуха». В кучу ненужных вещей одна из дочерей положила и костыли, которые с незапамятных времен обретались на чердаке. Леди снова их вытащила.

– Нет, это выбрасывать нельзя, – заявила она. – Как знать, вдруг еще пригодятся?

Другая леди однажды собралась на маскарад. Не смогу сейчас точно назвать благотворительный фонд, однако прекрасно помню, что каждая из дам, сумевших продать больше десятка билетов, получала благодарственное письмо от возглавлявшей организацию герцогини. Билет стоил двенадцать фунтов шесть пенсов; в цену входили легкие закуски и весьма основательный ужин. Должно быть, из всей суммы бедным достались те самые шесть пенсов, во всяком случае, их парадная часть.

– Не кажется ли вам, дорогая, что декольте могло бы выглядеть более скромным? – обратилась к только что вошедшей участнице благотворительного собрания одна из приятельниц.

– Боюсь, вы заблуждаетесь, – возразила леди. – Все мы должны стараться во имя высокой цели. Разве не так, милочка?

Право, мы жертвуем на благотворительность столь солидные суммы, что остается лишь удивляться, как и почему на свете до сих пор живут бедняки. Впрочем, хорошо, что подобные люди еще существуют. Что бы мы без них делали? Наши голубоглазые девочки в пушистых шубках! Наши розовощекие сквайры! Если бы не нищие, мы бы так и не узнали об их бескорыстной щедрости. А добродетель? Разве нам удалось бы проявить ее во всей полноте? Пришлось бы помогать друг другу. Но друзьям принято дарить дорогие подарки, а шиллинг-другой в пользу бедных позволяет сразу почувствовать себя добрым самаритянином. Провидение предусмотрительно обеспечило нас нуждающимися согражданами.

Дорогая леди Щедрость! Разве вам ни разу не приходило в голову поблагодарить судьбу за то, что рядом живут обделенные судьбой собратья? Те самые чистенькие, благодарные бедняки, которые низко кланяются и нараспев уверяют, что Господь воздаст сторицей. Остается лишь надеяться, что жестокое разочарование обойдет вас стороной.

Знакомый викарий из Ист-Энда однажды с хитрой улыбкой рассказал, как к нему явилась нарядная особа и настойчиво потребовала показать, где прячутся нищие. Они сели в элегантный экипаж и поехали по убогим улицам. Леди заходила в хижины и раздавала подарки. Перед одним очень грязным и узким переулком возница в нерешительности остановился.

– Простите, миледи, – обратился он к госпоже. – Здесь карета не поместится.

Благодетельница вздохнула.

– Что ж, к сожалению, придется проехать мимо, – заключила она.

Великолепные гнедые кони помчались дальше.

Боюсь, что там, где царствует нищета, вряд ли остановится принадлежащая леди Щедрость великолепная упряжка. Улицы настолько узки, что проскользнуть по грязным мостовым сможет лишь скромная, едва заметная сестра Жалость.

Я задал неизбежный вопрос:

– Но если благотворительность не приносит пользы и поверхностным отношением к проблеме усугубляет зло, что же, по вашему мнению, следует делать?

Мыслитель вопрошает

– Если бы на земле воцарилась Справедливость, то потребность в подаяниях отпала бы сама собой, – ответил викарий.

– Но помощь ближнему доставляет огромное удовольствие, – настаивал я.

– Да, – согласился собеседник. – Лучше давать, чем получать. Я немало думал о тех, кто вынужден принимать помощь. Идеал мой далек, и нам предстоит вместе преодолеть нелегкий путь.

II

Философия и демон

Говорят, философия – это искусство создавать проблемы окружающим. Самым глубоким философом из всех, о которых мне довелось слышать, оказалась дама. Ее доставили в лондонский госпиталь со зловещим воспалением и отеком ноги. Хирург поспешно осмотрел больную и пришел к неутешительному выводу. Надо заметить, что человеком он был прямым.

– Придется отрезать, – лаконично приговорил он.

– Неужели всю?

– К сожалению, целиком, – не оставил надежды доктор.

– А других методов не существует?

– Это ваш единственный шанс, – пояснил хирург.

– О, слава Богу, что это случилось не с головой! – воскликнула леди.

Бедняки обладают серьезным преимуществом перед нами, благополучными обывателями. Судьба дарит им неограниченные возможности для занятий философией. Как-то раз мне довелось присутствовать на ужине, устроенном благотворителями для поденщиц. После трапезы мы решили повеселить гостей. Одна молодая дама, считавшая себя мастером хиромантии, взялась определять судьбу по линиям на ладони. Однако первая же натруженная рука привела чувствительную особу в глубокое уныние.

– Вас ждет серьезная неприятность, – сообщила предсказательница пожилой служанке. Спокойное лицо осветилось улыбкой.

– Неужели только одна, милочка?

– Да, одна-единственная, – подтвердила участливая гадалка. – А дальше все пойдет гладко.

– Ах! – жизнерадостно воскликнула работница. – В нашей семье все живут недолго.

Под ударами судьбы наша кожа постепенно грубеет и превращается в толстую шкуру. В среду я гостил у друга в деревне. Когда все сели за стол, появился двенадцатилетний сын и наследник хозяина дома.

– Ну, – обратился к отпрыску отец, – и как же мы сегодня учились?

– Нормально, – лаконично отозвался юноша и со здоровым аппетитом налег на еду.

– Неужели никого не высекли? – уточнил отец с легким прищуром.

– Нет, – ответил подающий надежды молодой джентльмен после недолгого раздумья. – Кажется, нет, – уточнил он спустя пару секунд и отправил в рот солидный кусок бифштекса. – Разумеется, если не считать меня.

Когда демон безмолвствует

Философия – простая наука. Не имеет равным счетом никакого значения, что с вами происходит, если в душе не возникает возражений. Одно плохо: в девяти случаях из десяти от возражений никуда не деться.

«Злоключения не постигнут меня без согласия внутреннего демона», – утверждает Марк Аврелий.

Беда в том, что никто из нас не может всерьез надеяться на своего внутреннего демона. Лодырь то и дело подводит и отлынивает от работы.

– Ты плохо себя вел, и сейчас я тебя отшлепаю, – пригрозила няня четырехлетнему преступнику.

– Не сможешь, – заявил в ответ находчивый малыш и обеими ручонками вцепился в стул. – Я же сижу.

Его внутренний демон, несомненно, решил, что воплощенное в няниной угрозе злоключение не должно реализоваться. Увы, в данном случае злоключение оказалось сильнее демона, и ребенка все-таки наказали.

Зубная боль не сможет нас поработить до тех пор, пока внутренний демон (при желании его можно назвать силой воли) держится за стул и сопротивляется. Но рано или поздно он сдастся, и тогда нам придется туго. Идея понятна и в теории выглядит безупречной: человеку свойственно защищаться, пуская в ход собственное воображение. Например, ваш банк внезапно прекратил выплаты. Что вы делаете? Успокаиваете себя: ничего страшного, пустяки, да и только.

Однако и мясник, и булочник почему-то считают иначе и устраивают скандал.

Вы пьете наливку из крыжовника и говорите себе, что это выдержанное шампанское. Однако наутро печень доказывает иное.

Внутренний демон неизменно желает добра, однако нередко забывает, что он не один на свете. Один мой знакомый строго придерживался вегетарианской диеты. Больше того, чрезвычайно любил рассуждать о том, что если бы малоимущие отказались от иной пищи, кроме овощей, проблема выживания не стояла бы перед ними так остро. Возможно, сторонник здорового питания был прав. Однажды он пригласил на вегетарианский ленч два десятка бедняков и умолял гостей представить, что чечевица – это бифштекс, а цветная капуста – отбивная. На третье он подал смесь морковки с пряными травами и потребовал, чтобы все вокруг притворились, будто едят сервелат.

– Вы же любите сервелат, – увлеченно доказывал он, – а вкус пищи непосредственно зависит от воображения. Достаточно сказать себе: «Я ем сервелат», – как все, что лежит на тарелке, немедленно превратится в сухую колбасу.

Кое-кому из подопытных удалось себя обмануть, однако один глубоко разочарованный молодой человек признался, что у него ничего не получается.

– Но почему вы уверены, что это не сервелат? – настаивал радушный хозяин.

– Потому что живот не болит, – честно ответил парень.

Оказалось, что, несмотря на прекрасный вкус, сервелат дурно влиял на привыкший к грубой пище желудок. Если бы наше существо ограничивалось одним лишь внутренним демоном, философствовать было бы легче. К сожалению, мы устроены сложнее.

Требуется жизненная философия

Еще один любимый аргумент философии утверждает, что все заботы и тревоги преходящи, поскольку максимум лет через сто нас уже не будет на этом свете. Следовательно, необходима теория, способная помочь существовать здесь и сейчас. Честно говоря, меня не слишком волнует собственный столетний юбилей. Куда важнее те события, которые произойдут нынешним вечером. Почему-то кажется, что если бы все, кто мешает жить, отошли в сторонку и оставили меня в покое, – сборщики налогов, критики, представители водопроводной и газовой службы и прочие мерзкие индивиды, – то мне вполне удалось бы стать философом. Я с радостью притворился бы, что все на свете – сущая ерунда, однако эти люди не позволяют абстрагироваться. Грозят отключить все, что поддается отключению, да еще и вызвать в суд. Я уверяю, что через сто лет никто из нас не вспомнит о нынешних проблемах, однако они отвечают, что речь идет не о следующем веке, а о том, что надо было сделать давным-давно. Например, год назад, в апреле. Они не желают слушать моего демона, он их

просто не интересует. Если говорить откровенно, мне и самому не очень приятно думать, что спустя какую-то жалкую сотню лет придется покинуть привычный мир, разумеется, если не случится ничего экстраординарного. Куда больше радуется обстоятельство, что скорее всего эти вредные, несговорчивые сограждане тоже умрут. К тому же спустя сто лет жизнь может измениться к лучшему. Возможно даже, мне не захочется умирать. С другой стороны, если точно знать, что уйдешь на тот свет уже следующим утром, прежде чем угрозы отключить воду и газ смогут реализоваться, а повестка в суд ляжет на стол не раньше, чем к завтраку, то, вполне возможно – не утверждаю, что обязательно, – удастся испытать удовлетворение. Еще бы! Обвести мучителей вокруг пальца – что может быть приятнее! Жена одного закоренелого преступника однажды вечером навестила его в тюрьме и застала за ужином. Супруг с удовольствием поглощал жареный сыр.

– До чего же опрометчиво есть на ужин жареный сыр, Эдвард, – заметила заботливая дама. – Ты же знаешь, что печень не принимает тяжелые блюда. Завтра будешь целый день мучиться.

– Ничего подобного, – возразил Эдвард. – Не такой уж я дурак, как тебе кажется. На рассвете меня повесят.

Я долго ломал голову над одним высказыванием Марка Аврелия, пока наконец не нашел разгадку. Комментарий отмечает неясность смысла. Сам я пришел к аналогичному выводу прежде, чем обратился к комментарию. Вряд ли кому-то из смертных когда-нибудь удастся понять, что хотел сказать автор. Пассаж может означать что угодно, а может не означать ровным счетом ничего. Большинство исследователей придерживаются второй точки зрения, в то время как меньшинство полагают, что некий смысл существует, вот только разгадать его невозможно. Я же твердо убежден, что по крайней мере раз в жизни Марку Аврелию удалось отлично провести время. Домой он вернулся чрезвычайно довольным собой, хотя и сам не понимал, чему радуется.

– Пожалуй, запишу мудрые мысли немедленно, – сказал он, – пока ничего не забыл.

Ему казалось, что никто и никогда не писал ничего столь же умного, талантливого и замечательного. Может быть, он даже всплакнул, размышляя о собственном величии, а потом внезапно уснул. Наутро, разумеется, вчерашняя история забылась, а строки по неосторожности так и остались в книге. Подобное объяснение туманного отрывка представляется мне единственно возможным. К тому же близкое человеческой природе толкование немного успокаивает.

Никто из нас не способен круглосуточно оставаться философом.

Философия – наука о том, как пережить неизбежное. Большинство смертных справляются с задачей и без помощи философии. Марк Аврелий был римским императором, а Диоген – холостяком, не желавшим оплачивать жилплощадь. В наши дни необходима философия банковского клерка, содержащего жену на тридцать шиллингов в неделю, и батрака, который зарабатывает двенадцать шиллингов и при этом пытается вырастить восьмерых детей. Марка Аврелия волновали те же проблемы, которые пытались и пытаются решить другие люди.

Боги, несомненно, относятся к подходящему налогу следующим образом

– Боюсь, налоги снова придется поднять, – наверняка часто вздыхал Марк Аврелий. – Но, если разобраться, что есть налоги? Явление, вполне соответствующее человеческой природе; мелочь жизни, которую Зевс одобряет не задумываясь.

Мой внутренний демон уверяет, что налоги не заслуживают ни внимания, ни тем более душевного трепета.

Возможно, во времена Марка Аврелия глава многочисленного семейства не всегда обретал поддержку в философских изысканиях. Приходилось заботиться о новых сандалиях для детей, да и жена требовала новую тунику: разве можно показаться в амфитеатре в старой? Конечно, больше всего на свете ей хотелось бы увидеть, как лев расправляется с христианином, но, видно, не судьба.

– Черт возьми этих варваров! – так, должно быть, хотелось воскликнуть Марку Аврелию в те минуты, когда философский настрой покидал душу и тело. – Дернуло же их сжечь дома несчастных мирных граждан, пронзить копьями младенцев, а детей постарше угнать в рабство! Неужели нельзя было вести себя прилично?

Однако рано или поздно философия торжествовала, одерживая верх над мимолетной раздражительностью и быстропроходящей досадой.

– Но стоит ли на них сердиться? – Наверное, спрашивал себя император. – Мы же не обижаемся на смоковницу за то, что с нее падают фиги, не обвиняем огурец в излишней горечи! Вот так и варварам изначально свойственно проявлять жестокость.

Марк Аврелий поступил следующим образом: первым делом безжалостно расправился с варварами, а потом простил. Всем нам свойственно прощать себе подобных, предварительно отомстив за причиненное зло.

В одной крошечной швейцарской деревушке я встретил девочку. Она сидела возле школьного забора, положив голову на руки, и горько рыдала. Я участливо спросил, что случилось. Всхлипывая, юная особа поведала, что хулиган-одноклассник сорвал с ее головы шляпку и теперь бессовестно играет в футбол по ту сторону забора. Я попытался утешить несчастную с помощью философии: начал рассуждать о том, что во все времена мальчишки остаются мальчишками и ожидать от них почтения к дамскому головному убору не следует, поскольку подобное отношение в принципе противоречит природе молодых джентльменов. К сожалению, обиженная девочка не проявила желаний философствовать, а заявила, что мальчишка ужасен, отвратителен и она ненавидит его всей душой, так же как всей душой сожалеет о потере лучшей, самой красивой и самой любимой шляпки. Пока мы разговаривали, преступник осторожно выглянул из-за угла – с той самой злополучной шляпкой в руке. Потом вышел и протянул трофей, однако барышня не обратила внимания на попытку примирения. Я решил, что инцидент исчерпан, и отправился своей дорогой, однако, сделав несколько шагов, уступил любопытству и обернулся. С пристыженным видом обидчик медленно приближался, однако пострадавшая все так же сидела, спрятав лицо, и лила горькие слезы.

Подобного развития событий парень явно не ожидал: одноклассница являла собой воплощение безутешного горя и не замечала ничего вокруг. Он сделал еще один неосторожный шаг и неожиданно получил удар по макушке узким длинным деревянным пеналом, в котором, полагаю, хранились ручки и карандаши. Голова, должно быть, оказалась крепкой, поскольку звук гулко разнесся по долине. На обратном пути мне вновь довелось встретить очаровательное создание.

– Шляпка очень пострадала? – с искренним сочувствием осведомился я.

– О нет, – с улыбкой ответила девочка. – Да и вообще это старая шляпа, для воскресных прогулок у меня есть другая.

Батрак и вселенское добро

Меня нередко посещает философское настроение. Обычно подобное происходит после сытного обеда – в удобном кресле, с хорошей сигарой в руке. В эти блаженные минуты я с удовольствием открываю томик Марка Аврелия, карманное издание Эпикура и даже «Республику» Платона (в переводе). И не просто открываю, а всецело соглашаюсь с муд-

рыми авторами. Человеку свойственно тревожиться по мелочам. Давайте же воспитывать в себе душевное спокойствие и безмятежность! Природа предусмотрела все доступные фантазии испытания и заранее подготовила нас к неприятным событиям. Ничего иного просто не может случиться. Взять хотя бы того самого батрака с восьмерыми детьми и доходом в двенадцать шиллингов в неделю: не лучше ли утомленному труженику задуматься о преимуществах собственного положения? Разве он не избавлен от необходимости искать способы надежного и выгодного размещения капитала? Разве для него не восходит и не заходит солнце? Многие из нас ни разу в жизни не встречали рассвет. Зато те, кого принято называть обездоленными, наделены привилегией регулярно созерцать праздник зарождения нового дня. Так пусть же возликует их внутренний демон! С какой стати человеку печалиться, заслышав, как плачут от голода дети? Боги мудры, и они не напрасно установили нынешний миропорядок. Не лучше ли наемному рабочему поразмыслить о радостях пусть и дешевого, но коллективного труда? Правильно, пусть батрак задумается о вселенском добре.

III

Литература и средний класс

Искренне сожалею о том, что приходится высказываться о профессии литератора без должного почтения, однако длительные наблюдения наводят на определенные мысли. А именно: в наше время среди писателей существует когорта, члены которой родились, выросли и живут исключительно – не хочу никого обидеть, но все же осмелюсь высказаться прямо – в условиях среднего класса. Это те мужчины и женщины, для которых Парк-лейн навсегда останется всего лишь кратчайшим путем между кварталом Ноттинг-Хилл и Стрэндом, а справочник дворянства «Дебретт» – толстый элегантный том в красном переплете с золотым обрезаем – никогда не перестанет быть обязательным украшением гостиной, вовсе не обусловленным социальной необходимостью. Какая же судьба уготована этим авторам, иными словами, нам, если мне позволено считать себя представителем стремительно сокращающегося, однако все еще многочисленного отряда служителей муз? Прежде, когда мы еще владели стилем, обладали воображением и проницательностью, умели видеть и понимать человеческую природу, опирались на знание жизни и сочувствие к превратностям судьбы, а собственные мысли выражали точно и изящно, с тонким чувством юмора, перед нами открывалась относительно широкая и сравнительно гладкая дорога. Мы черпали вдохновение в окружающей средний класс действительности, пропускали сюжеты сквозь собственную – плоть от плоти среднего класса – индивидуальность и являли творения на суд читающей публики, состоящей из представителей все того же среднего класса.

Однако случилось так, что литература потеряла всех, кому служила. Великолепная британская читающая публика утратила интерес к социальному слою, в котором находили своих героев Джордж Элиот и Чарлз Диккенс. Хетти Соррел и маленькая Эмили теперь показались бы провинциальными, а семейства Деронда и Уилфер прослыли бы местечковыми и ограниченными.

Должен признаться, что оценочные эпитеты «провинциальный» и «местечковый» всегда казались мне несколько странными. Как правило, самым суровым критиком «провинциальных черт» в литературе выступает художавшая леди, проживающая в одном из переулков лондонского района Хаммерсмит, причем не в особняке, а в доме, стоящем в общем ряду и ограниченном общими стенами. Следует ли считать искусство чисто географическим понятием? А если так, то где пролегает граница? Может быть, в радиусе четырех миль от Чаринг-Кросс? Если основываться на подобном критерии, то продавец сыра с Тоттнем-Корт-роуд неизбежно окажется тонким ценителем прекрасного, а профессор из Оксфорда может рассчитывать лишь на звание провинциального обывателя.

Желая разобраться в сложностях классификации, как-то раз я осмелился задать критически настроенному приятелю прямой вопрос:

– Ты осуждающе назвал книгу провинциальной. Но какой же смысл, по-твоему, кроется в этом определении?

– Видишь ли, – ответил он. – Я имел в виду, что литература подобного сорта должна нравиться населению пригородов, не больше.

Сам он обитал на Чансери-лейн.

Может ли интеллеktуал жить в Сарбитоне?

– А как же, в таком случае, относиться к Джонсу, редактору «Вечернего джентльмена»? – недоуменно уточнил я. – Он живет в Сарбитоне, в двенадцати милях от вокзала Ватерлоо. Каждое утро в восемь пятнадцать садится на поезд и приезжает в город, а в пять десять возвращается домой. Справедливо ли утверждать, что книга плоха лишь потому, что нравится мистеру Джонсу? Или, например, Томлинсон. Как тебе отлично известно, он давным-давно переехал в Форест-Гейт, что по дороге на Эппинг. Мы с тобой оба любим у него бывать, и всякий раз приятель с увлечением показывает коллекцию какомоно – японских свертывающихся картин. Ты, конечно, отлично понимаешь, к чему я клоню. На мой взгляд, какомоно прекрасны – эти древние шедевры самобытного национального искусства представляют собой длинные свитки толстой грубой бумаги, на каждом из которых искусно изображены цветные иероглифы. Томлинсон бережно разворачивает одно драгоценное произведение за другим и подолгу держит над головой, чтобы зритель мог по достоинству оценить композицию. А потом сообщает имя мастера, сотворившего чудо в 1500 году до нашей эры, и не ленится подробно объяснить смысл картины. Увлечшись, бедняга забывает о времени и о том, что было бы неплохо накормить гостя. Жизнь в доме течет по законам вечности, а в комнатах нет даже кресел. Так вот, ответ на простой вопрос: разве Томлинсон не вписывается в рамки высокого искусства?

Другой мой знакомый живет в Бирмингеме. Ты, должно быть, о нем слышал. Страстный коллекционер и знаток карикатур XVIII века. Отдает предпочтение таким авторам, как Роулэндсон и Гилрей. Сам я не слишком люблю подобные рисунки: признаюсь, они нередко лишают душевного спокойствия. Но истинные ценители сходят с ума. Объясни же, почему обладатель домика в деревне не имеет права разбираться в высоких материях?

– Ты меня не понимаешь! – раздраженно воскликнул критически настроенный приятель.

– Согласен, – ответил я. – Но именно это я и пытаюсь сделать.

– Разумеется, ценители прекрасного живут и в пригородах, и в глухой провинции. Но они не провинциалы.

– Даже несмотря на то что прочно осели в Уимблдоне или Хорнси и вполне могут признаться, подобно Роберту Бернсу: «В юго-западном почтовом округе мое сердце, донныне я там»?

– Если угодно, можешь считать и так, – прорычал приятель.

– С твоего позволения, – с радостью согласился я. – Видишь ли, таким нехитрым способом нам, людям с ограниченным достатком, легче сводить концы с концами.

Как бы там ни было, авторы современных романов старательно избегают скользких ситуаций и сомнительных поворотов сюжета. Персонажи, все до единого, населяют пятак между Бонд-стрит и Гайд-парком. Что и говорить, в реальных условиях всей этой толпе пришлось бы нелегко: местечко тесновато. Правда, год или два назад вышел в свет довольно успешный роман, героиня которого проживала в Онслоу-Гарденс. По этому поводу один именитый критик выжал из себя следующий глубокомысленный пассаж: «Еще немного, и книга внесла бы серьезный вклад в английскую литературу». Я не поленился проконсультироваться с извозчиками, которых так много на Гайд-парк-Корнер, и выяснил, что несколько расплывчатое понятие «еще немного» в конкретном выражении насчитывает ни много ни мало одну тысячу сто ярдов.

Когда переполняющие современные романы аристократы и мелкопоместные дворяне покидают душный Лондон, уезжают они вовсе не в провинцию. Фи, как вульгарно! Путь лежит напрямик в какое-нибудь старинное родовое поместье с пышным названием, напри-

мер «Барчестерские башни», иными словами, «в милый уголок на севере». Читателю остается предположить, что фамильные уголья парят в воздухе.

В каждом социальном кругу неизбежно найдутся беспокойные души, безудержно рвущиеся ввысь. Даже среди рабочего класса можно встретить утонченных, отмеченных врожденным благородством персон, которым ткацкий станок и плуг кажутся орудиями низменными и недостойными. Нежные души тянутся к изысканной и элегантной обстановке комнаты для слуг. Таким образом, на Граб-стрит всегда найдется чванливый автор, чей темперамент подтолкнет к почтительному наблюдению за богатыми и благополучными. Ручеек романов из жизни высшего класса никогда не иссякнет; проблема, однако, заключается в том, что в наши дни публика требует, чтобы все до единой истории происходили на верхней ступеньке социальной лестницы. Старина Робин Грей обязан стать сэром Робинотом Греем, миллионером из Южной Африки. Ну а бедняге Джеми ничего не остается, как перевоплотиться в сына старого графа, в ином случае баллада просто никого не заинтересует. Современному сочинителю детских стишков придется писать о маленьком лорде Джеке и юной леди Джилл. Прекрасно воспитанным аристократическим отпрыском предстоит чинно разгуливать по живописным холмам бескрайних старинных поместий. Больше того, мальчик и девочка непременно должны держать серебряный прутик, на котором обязана висеть изысканно расписанная севрская ваза с источающим тонкий аромат изящным букетом роз.

Почему прохожий любит только герцогинь?

Я покупаю журнал за четыре с половиной пенса и погружаюсь в чтение. Героиня слезливой истории – молодая герцогиня. Муж ее подвержен пороку азарта, причем играет не по мелочи, а на тысяchefунтовые купюры. В результате семья вынуждена поселиться в бельэтаже отеля «Карлтон». В роли злодея выступает русский князь. Воспитанный в старых традициях баронет не в состоянии угнаться за стремительно летящим временем. Какая уважающая себя героиня покинет мужа и бросит детей ради греха и ничтожных пяти тысяч фунтов в год?! Дамам прошлого – дочери священника или молодой талантливой художнице – действительно следовало бы опасаться искушения. Ну а наша современница никогда не падет ниже уровня кабинета министров.

Обратимся к менее претенциозному изданию – тому самому еженедельнику, который моя супруга считает наиболее авторитетным экспертом в вопросе фасонов блузок. На его страницах я обнаружил нечто, в прежние времена попадавшее под определение фарса. Теперь подобное произведение носит название салонной комедии и снабжено внушительной припиской «все права защищены». В перечень действующих лиц включены следующие персонажи: граф Дэнбери, маркиз Роттенборо (с богатым прошлым) и американская наследница – персонаж, который в наши дни заменяет любителям незамысловатых развлечений некогда привычную «Розу, дочку мельника».

Иногда доводится спрашивать себя, уж не повинны ли в нынешних литературных вкусах Карлайл с Теннисоном? Действительно, Карлайл твердо внушил читателям, что внимания достойны лишь биографии великих людей, а Теннисон убедительно призывал «любить тех, кто выше». Потому-то литература, вечно стремящаяся к вершине, проходит мимо простой Ромолы и спешит навстречу леди Понсонби де Томпкинс; если бы какого-нибудь современного критика угораздило родиться раньше времени, то провинциальный роман Шарлотты Бронте он окрестил бы не иначе, как «историей из жизни высшего общества».

Британская драма зашла еще дальше. Действие пьес происходит исключительно в старинных замках и, как пишут в рекламных проспектах господина из фирмы «Ламли и К^о», в «импозантных городских особняках, отвечающих потребностям состоятельных джентльме-

нов». Сведущий современный драматург понимает, что тесная комнатка не место для бурного развития событий. Случалось, правда, что кое-кому из авторов удавалось отыскать психологические коллизии даже в скромном жилище, но эти господа, должно быть, умели видеть людей насквозь.

Однажды я нечаянно сочинил пьесу и прочитал творение известному импресарию. Тот терпеливо выслушал и заявил, что произведение чрезвычайно интересно; они все так говорят. Я ожидал, что маэстро направит докучливого автора к кому-нибудь из своих коллег. Каково же было мое удивление, когда светило пожелало оставить пьесу себе, но только если будут внесены определенные изменения!

Как возвысить британскую драму

– Необходимо поднять всю пьесу на несколько ступенек, – заявил импресарию. – Ваш герой – адвокат: моя публика не интересуется простыми адвокатами. Сделайте его генеральным стряпчим.

– Но он должен быть забавным, а от генерального стряпчего шуток не дождешься.

Импресарию на миг задумался.

– В таком случае, пусть он станет генеральным стряпчим от Ирландии.

Я принял рекомендацию к сведению.

– Ваша героиня, – продолжал вершитель судеб, – дочка хозяина приморского пансионата. Моя публика не признает отдыха в приморских пансионатах. Почему бы ее отцу не превратиться во владельца отеля? Конечно, это тоже рискованно, но попробовать можно. – Воображение разыгралось не на шутку. – Нет, лучше сделайте старика управляющим директором гостиничного треста: такое положение позволит мисс не стесняться в нарядах.

К сожалению, работу пришлось отложить на несколько месяцев, а когда я вновь взялся за пьесу, вкусы театралов успели уйти далеко вперед. Британская драма захлопнула двери перед всеми, кто не вписывался в узкий аристократический круг. В итоге я так и не увидел своего смешного старика маркизом: удостоить нелепое существо более скромного титула отныне не представлялось возможным.

Как же продолжить существование нам, романистам и драматургам среднего класса? Единственно возможный ответ напрашивается сам собой. Мы мыслим лишь категорией общей комнаты, которую называем гостиной и в глубине своей писательской души нежно любим: вот распахивается двустворчатая дверь, и взгляду открывается прекрасный интерьер. Единственная известная нам драма разворачивается именно в такой комнате: герой сидит в обитом зеленым репсом мягком кресле; героиня устроилась на стуле. Презрительные взгляды и гневные слова из мира среднего класса летают над трехногими карточными столами, а узор свадебного торта под прозрачным колпаком играет роль бледного привидения.

Сейчас, когда так высоко ценится идея имперского величия, разве осмелится кто-нибудь предположить, что в общей комнате люди могут испытывать те же чувства, которые цветисто высказывают завсегдатаи салонов, обставленных в стиле Людовика XIV? Что слезы, пролитые на Бэйсуотер-стрит, столь же горьки, как и те, которые текут по щекам обитателей Одли-стрит? Что смех в Клапеме не менее заразителен, чем благородное веселье на Керзон-стрит? Но что же делать нам, тем, чьи лучшие наряды являются миру лишь в скромных интерьерах? Как нам обнажить душу герцогини, передать неровное биение сердца пэра королевства? Некоторые из моих знакомых, сторонники консервативной партии, время от времени посещают турниры «Лиги подснежников» (или их называют «судами любви»? – не знаю, потому что говорю, как посторонний; во всяком случае, от самого названия явно веет Средневековьем). Так вот, этим счастливицам иногда удается побеседовать с титуло-

ванными дамами. Впрочем, разговор неизменно оказывается коротким из-за нескрываемого раздражения стоящего рядом джентльмена. Сомневаюсь, что диалог приносит ощутимую пользу с точки зрения знакомства с аристократическим образом мысли. И все же тем из нас, кто не имеет непосредственного отношения к уважаемой организации, не удастся даже одним глазком заглянуть в высшие сферы. Так и получается, что мы равным счетом ничего не знаем о чувствах и чаяниях спрятанного за семью замками мира красивых и сильных. Лично я однажды получил письмо от графа, однако речь в нем шла исключительно о деятельности молочной компании, возглавляемой его светлостью, о прекрасном качестве молока и о преимуществах расчета наличными. К огромному сожалению, послание не затрагивало такие важные для меня темы, как предпочтения, интересы, желания и страсти высокопоставленного автора, а также не касалось его взглядов на мироустройство в целом.

А что, если выучиться на лакея?

С каждым годом я ощущаю себя все более и более одиноким. Литературные друзья один за другим вступают в зачарованный мир аристократии и безжалостно обрубают ненужные связи со средним классом. Отныне их заботят исключительно душевные страдания королевского камердинера, затаенные чувства придворных дам и религиозные искания маркизов. Мне хочется знать, как они это делают – «как, черт возьми, они туда просачиваются». Увы, никто не рассказывает.

А я тем временем не вижу иных перспектив, кроме работного дома. С каждым годом публика все меньше интересуется книгами о жизни среднего класса. Но ведь о других классах мне равным счетом ничего не известно. Что же делать? Заурядные люди – те из друзей, кто не считает нужным беречь самолюбие автора, – небрежно советуют «наплевать на глупости».

– Видишь ли, старик, ты знаешь ничуть не меньше, чем все эти бездельники. – Я не пытаюсь сгладить ни стиль, ни смысл высказывания, а просто цитирую. – А если даже и не знаешь, что с того? Обычный читатель знает еще меньше. Как он сможет тебя разоблачить?

Но я терпеливо объясняю, что главный закон литературы разрешает писать только о том, что знаешь на собственном опыте, причем досконально. Из этого следует, что необходимо срочно попасть в аристократическую среду, изучить и понять ее всемогущих обитателей. Только тогда можно будет заработать на хлеб единственным доступным писателю способом – сочинить роман из жизни представителей высшего класса.

Как же попасть на олимп?

Человек и его хозяин

Есть одно немаловажное обстоятельство, в котором англосакс превзошел француза, турка или русского, а заодно немца и бельгийца. Когда англосакс назначает чиновника, он назначает слугу, а когда все остальные надевают на соотечественника мундир, то немедленно увеличивают отряд хозяев. Если среди ваших приятелей обнаружится американец или англичанин, незнакомый с системой государственной службы на континенте, не пожалейте времени и составьте ему компанию: хотя бы проводите на почту, когда наивный островитянин впервые соберется отправить письмо, скажем, из Германии. Англосакс шествует уверенно, с чувством собственного достоинства, гордо и независимо глядя по сторонам и небрежно рассуждая, как бы поскорее «покончить с мелочами, зайти за Джобсоном и вместе отправиться на ленч».

Говорит наш друг таким оптимистичным тоном, словно впереди маячит бесконечный день.

Вот он бодро поднимается по лестнице и толкает дверь. Дверь не поддается. Он смотрит по сторонам и обнаруживает, что стоит перед выходом, а не перед входом. Спуститься на двадцать ступенек, чтобы преодолеть двадцать соседних? Нет, усилие кажется герою напрасным, а потому он пытается потянуть дверь на себя. К сожалению, на пути возникает суровый чиновник и высокомерно указывает верный путь.

– О черт! – восклицает англосакс, но все-таки спускается и поднимается по соседней лестнице.

– Я быстро, – беззаботно бросает он через плечо. – Подожди на улице.

Но если вы не первый день живете на свете, то непременно войдете следом: в зале можно присесть, а в кармане у вас спрятана свежая газета; за неторопливым чтением время пройдет и быстрее, и приятнее. Спутник ваш озадаченно оглядывается. Нелишне заметить, что почтовое отделение в Германии по размерам едва ли уступает Банку Англии. Посетителю приходится выбирать из двадцати окошек, каждое из которых снабжено витиеватой вывеской. Изучение приходится начинать с той, на которой значится цифра 1. Жизнь показывает, что немецкая почтовая служба не поощряет отправку писем. Не желает ли господин купить лицензию на содержание собаки? Во всяком случае, одно из окошек предлагает именно эту услугу. Следующее призывает забыть о письме, подойти и поговорить о велосипедах. Наконец бедняге кажется, что удалось найти нужное отверстие: надпись «регистрация» поддается расшифровке без особого труда и внушает доверие. Он стучит в стекло.

Не тут-то было. Никто его не замечает. Чиновник за границей, даже самый мелкий, – это человек, в чью жизнь то и дело вмешиваются неприятные существа – клиенты, которые постоянно чего-то хотят. Куда бы вы ни сунулись, везде наткнетесь на недовольное лицо. Вот, например, театральный кассир. Вы стучите в окошко как раз в ту минуту, когда он с аппетитом поглощает сандвич. С недовольным ворчанием хозяин положения поворачивается к напарнику:

– О Господи! – доносится до вас приглушенный голос. – Еще один явился! За сегодняшнее утро этой уже сотый! Все решили посмотреть пьесу. Готов держать пари, что сейчас попросит билет. Честное слово, нервы не выдерживают.

То же самое происходит и на железнодорожном вокзале.

– Смотри-ка, опять в Антверпен! Этим людям наплевать на других: ездят туда-сюда непонятно зачем.

В почтовом отделении чиновника выводит из себя чрезмерная активность граждан в вопросе переписки. Естественно, он всеми силами старается отбить у клиента охоту отправить свое нелепое, никому не нужное письмо.

– Посмотри на них, – обращается он к помощнику (вдумчивое правительство Германии заботливо снабдило каждого чиновника еще одним, дополнительным чиновником, чтобы от скуки он, не дай Бог, не заинтересовался работой). – Двадцать человек подряд! А некоторые толкутся здесь уже минут пятнадцать.

– Пусть подождут еще пятнадцать минут. Может быть, устанут и уйдут, – советует ассистент.

– Дорогой мой! – эмоционально восклицает чиновник. – Думаешь, я не пробовал? Ничего не помогает: от этих упрямец не избавишься. И каждый требует одного и того же: «Марки! Марки! Марки!» Иногда кажется, что некоторые просто питаются марками.

– А что, если дать им их марки? – повинуясь внезапному озарению, предлагает помощник. – Может быть, оставят в покое?

Почему человек в форме смотрит так печально

– А что толку? – устало вопрошает старший по званию. – Едва уйдут эти, тут же появятся другие.

– Ах, черт! – восклицает помощник. – Ну, хотя бы новые лица, и то хорошо. На эти уже надоело смотреть.

Однажды я набрался смелости и решил поговорить по душам с немецким почтовым служащим, которому досаждал несколько месяцев подряд. Сказал я примерно следующее:

– Вам кажется, что я пишу письма – все эти рассказы, пьесы длиной в три акта – исключительно для того, чтобы досадить вам. Так позвольте же попытаться доказать обратное. Должен признаться, что ненавижу работу – ненавижу ничуть не меньше, чем вы. Ваш городок чрезвычайно мил, так что, если бы оставался выбор, я ни за что на свете не сел бы за письменный стол, а гулял бы и гулял по уютным зеленым улицам. Но что же делать? У меня семья – жена, дети. Вы и сами знаете, что это значит: регулярно просят есть, то и дело кому-то требуются новые ботинки и всякое такое. Вот и приходится сочинять разные истории и приносить вам, чтобы отправить издателям. Видите ли, вы все равно здесь сидите. Если бы вас здесь не было, если бы в городе отсутствовало почтовое отделение, то скорее всего пришлось бы обучать голубей или засовывать послание в бутылку, смолить пробку и бросать в реку, надеясь на удачу и благосклонность Гольфстрима. Но ведь вы здесь, да еще называете себя почтовыми служащими – право, искушение непреодолимо.

По-моему, я преуспел. Во всяком случае, после небольшого вдохновенного монолога чиновник встречал меня с улыбкой, а не так, как прежде – с выражением нескрываемого отчаяния на лице. Однако вернемся к нашему неискушенному другу-англосаксу.

Наконец-то перед ним открывается окошко. Хозяин повелительно приказывает назвать «имя и адрес». Не ожидая подвоха, посетитель слегка теряется и в процессе сообщения информации пару раз ошибается и исправляется, чем вызывает подозрение чиновника.

– Имя матери? – неожиданно вопрошает официальное лицо.

– Что-что?

– Имя матери! – раздраженно повторяет почтовый служащий. – Мать у вас была?

Должен заметить, что наш англосакс нежно любил свою матушку, однако та скончалась больше двадцати лет назад, и имя за ненадобностью стерлось из памяти. Кажется, ее звали Маргарет Генриетта. Или нет? Да и вообще, какое отношение имеет чья-то мать вот к этому сугубо официальному письму, которое необходимо отправить в Нью-Йорк деловому партнеру?

– Когда он скончался? – осведомился служащий.

– Кто скончался? Мать?

– Нет-нет, ребенок.

– Какой ребенок?

Негодование человека за стеклом достигает апогея.

– Мне нужно всего лишь зарегистрировать вот это письмо, – поясняет англосакс.

– Что?

– Письмо. Я хочу...

Окошко резко захлопывается прямо перед носом. Наконец минут десять спустя наш упорный соотечественник все-таки добирается до нужной точки и попадает в бюро регистрации писем, а не в бюро регистрации детской смертности. Там ему указывают, что письма бывают двух видов – запечатанные и незапечатанные.

Лично мне никогда не удавалось успешно решить эту проблему. Если вы запечатали письмо, то неизбежно оказывается, что действие совершено ошибочно и напрасно. Если же

не запечатали, то вас непременно обвинят в ужасной оплошности. В любом случае письмо не может быть отправлено в том виде, в каком вы его представили. Чиновник на континенте воспитывает население точно так же, как сообразительная няня, которая посылает старшую девочку проверить, что делает Томми, и сказать брату, чтобы немедленно прекратил безобразничать. Ну а наш неудачливый друг безвозвратно утрачивает полчаса драгоценного времени и ощущение праздника жизни. Поняв, что ничего не добьется, он решает отступить и обсудить проблему со швейцаром отеля. По ту сторону Ла-Манша швейцар – второе лицо после бургомистра. Почему? Может быть, потому, что умеет ругаться на семи языках. Но даже он не всесилен.

Единственный друг путешественника

Когда мы с товарищами однажды решили втроем совершить пешее путешествие по Тиролю, то предварительно отправили вещи из Констанца в Инсбрук по почте. Идея заключалась в том, чтобы, явившись в Инсбрук в разгар сезона после недельного лазанья по горам с одной лишь сменой белья в рюкзаке, с удовольствием облачиться в чистую цивильную одежду и в приличном виде предстать перед почтенным обществом. Сумки ждали нас на почте: мы собственными глазами видели их сквозь решетку. Но, судя по всему, в Констанце произошло какое-то неприятное событие, я так и не понял, какое именно. В результате бдительность швейцарских почтовиков резко возросла и воплотилась в специально созданную инструкцию, согласно которой посылки следовало выдавать только их законным получателям.

Что ж, распоряжение звучит вполне разумно. Никто не захочет, чтобы его посылку отдали кому-нибудь другому. Однако добросовестным служащим Инсбрука не пояснили, каким именно способом следует определять законных получателей.

И вот в один не совсем прекрасный день в почтовое отделение вползли три грязных, заросших существа и заявили, что желают получить три сумки:

– Вот эти, в углу.

Сумки оказались красивыми, чистыми, вполне респектабельными – такие всем нужны. Правда, один из бродяг протянул мятый кусочек бумаги и сказал, что это квитанция, полученная на почте в Констанце. Но ведь на пустынных склонах Тироля какой-нибудь одинокий путник мог быть ограблен тремя бандитами, после чего безжалостно сброшен в пропасть.

Главный чиновник покачал головой и потребовал привести кого-нибудь, кто способен подтвердить, что мы – это мы. Естественно, первым делом вспомнился швейцар. Стараясь держаться подальше от центральных улиц, мы вернулись в отель и выудили спасителя из его будки.

– Я – мистер Д., – представился я. – Это – мой друг мистер Б., а это – мистер С.

Швейцар с поклоном констатировал, что очень рад знакомству.

– Не могли бы вы дойти до почты и подтвердить, что знаете нас?

Любой швейцар неизменно отличается практичностью: профессия лишает этих людей сочувствия к косному формализму земляков. Вот и наш новый сторонник сразу надел шляпу и твердым шагом отправился туда, куда его пригласили. Он честно старался помочь, никто не осмелился бы сказать иного. Сообщил почтовикам, кто мы такие. Его спросили, откуда он это знает. Вместо ответа он поинтересовался, откуда, по их мнению, он знает свою мать. Просто знает, и все. Потому что знает. Таким образом, тонкий психолог намекнул на нелепость вопроса, после чего заметил, что время дорого, и потребовал выдать нам сумки и покончить с глупостями.

Его спросили, как давно он нас знает. Швейцар выразительно воздел руки: память отказывалась заглядывать в туманную даль. Мы всегда были вместе – с раннего детства.

Знает ли он еще кого-нибудь, кто знает нас? Вопрос показался почти оскорбительным. Каждый житель Инсбрука знал, уважал, глубоко почитал троих грязных, заросших дикарей. Да, каждый, за исключением нескольких косных почтовых чиновников, окончательно отбившихся от общества.

Не мог бы он пригласить хотя бы одного несомненно respectable горожанина, который подтвердил бы идентичность претендентов на получение сумок? Просьба заставила господина немедленно забыть и о нас, и о наших проблемах. Диалог с почтовым служащим приобрел характер личной ссоры. Если он, швейцар приличного отеля, не достоин называться несомненно respectable горожанином славного Инсбрука, то в таком случае где же найти достойного?

Как плохо быть неизвестным

Оба джентльмена до крайности возбудились, и дискуссия вышла за рамки моего разума. И все же по энергичным репликам чиновника я смутно догадался, что недружественные замечания в адрес дедушки швейцара и какой-то пропавшей коровы так и не получили достойного отпора. С другой стороны, с уст оппонента слетели язвительные намеки на известную всему городу историю о тетушке почтовика и некоем артиллерийском сержанте, после которой кое-кому следовало бы помалкивать о чужих дедушках.

Симпатии зрителей, естественно, оставались целиком на стороне швейцара. Стойкий боец с энтузиазмом отстаивал наши интересы, хотя, к сожалению, не слишком преуспел и не то чтобы очень помог. В итоге мы бесславно ретировались с поля битвы. Единственное, что оставалось, это убедить официанта выключить свет на нашем конце общего стола.

Следующим утром мы снова явились на почту. Выяснилось, что служащий неплохо откликается на вежливое обращение. Больше того, стало известно, что он и сам не прочь в свободное от службы время полазить по горам. В конце концов вероятность правомерности обладания вождеденными сумками была признана. Инструкция запрещала лишь выдавать сумки, и опытный сотрудник сам предложил выход из затруднительного положения. Мы получили возможность ежедневно приходить в почтовое отделение и переодеваться за ширмой. Нам даже разрешили пользоваться служебным входом, однако некоторые неудобства все равно сохранились, ведь, даже несмотря на чрезвычайные меры предосторожности, отдельные фрагменты наших крупных тел то и дело появлялись из-за ширмы. И все же в течение нескольких дней, до тех пор пока британский консул не вернулся из Зальцбурга, почта Инсбрука исправно служила нам гардеробной. Судя по всему, чиновники на континенте по-своему понимают и осмотрительность, и благоразумие, и безупречное выполнение инструкций.

IV

Жаль, что природа лишила нас хвостов!

Один из моих эксцентричных друзей весьма сожалеет об утрате человечеством хвостов. По его мнению, всем нам было бы полезно, подобно собакам, обладать орудием выражения радости (легкое помахивание из стороны в сторону) и гнева (строго горизонтальное положение).

– Заходите почаще, – предлагает хозяйка. – Не ждите приглашения. Заглядывайте запросто, когда идете мимо.

Мы верим и поступаем так, как нам рекомендовали. Дверь открывает служанка и на вопрос, дома ли госпожа, отвечает, что «сейчас посмотрит». Далее следует обескураживающая суэта: шарканье ног, приглушенные голоса, звук открывающихся и закрывающихся дверей. В конце концов нас проводят в гостиную. Судя по всему, в результате долгих поисков запыхавшаяся горничная выясняет, что леди все-таки дома. Мы неподвижно стоим на ковре возле камина и судорожно сжимаем в руках шляпу и трость, словно боимся потерять связь с внешним миром. Ощущение почти такое же, как перед визитом к стоматологу.

Наконец впархивает улыбающаяся хозяйка. Трудно сказать, действительно ли она рада нас видеть или думает примерно следующее: «Черт подери этого бездельника! Угораздило же его притащиться именно в то утро, когда я собиралась повесить чистые шторы!»

Как бы там ни было, она старательно изображает радость и даже приглашает остаться к ленчу. В данной ситуации мы чувствовали бы себя значительно увереннее, если бы из разреза на юбке торчал хвост: осталось бы лишь посмотреть, что он делает в данную минуту: мерно и дружелюбно раскачивается или застыл параллельно полу?

Правда, существует опасение, что люди научили бы свои хвосты соблюдать правила этикета. Да, заставили бы их приветливо помахивать, с трудом сдерживаясь, чтобы не зарычать от злости. Неискренность родилась в тот самый момент, когда человек придумал прикрыть наготу фиговым листком.

Впрочем, иногда возникает вопрос, так ли уж необходимо добиваться истины. Одного моего знакомого мальчика воспитывают в соответствии со странной системой. Здравомыслие его родителей вызывает серьезные сомнения. Дело в том, что они придерживаются особых принципов: внушают ребенку, что всегда и везде необходимо говорить правду, только правду и одну лишь правду. Я с интересом наблюдаю за ходом эксперимента. Если поинтересуетесь, что думает о вас юный джентльмен, он ответит прямо и откровенно. Мало кто осмеливается повторить вопрос. Как правило, следуют эмоциональные восклицания:

– Что за грубиян!

– Но ведь вы настаивали, – защищается мальчик. – Я не хотел говорить.

Оскорбленных взрослых аргумент ничуть не утешает. Но самое интересное, что правдолюбец уже обладает несомненным влиянием: те, кто осмелился подвергнуться испытанию и вышел из него с честью, живут с высоко поднятой головой.

Дети всегда говорят правду!

Вежливость была изобретена для удобства недостойных. Мы расточаем комплименты направо и налево – без разбора, ничуть не заботясь, заслужил ли собеседник похвалы или нет. Уходя из гостей, непременно сообщаем хозяйке, что провели лучший вечер своей жизни. Каждого из посетителей, пришедших в наш собственный дом, заверяем, что безмерно счаст-

ливы видеть. Вспоминаю, как одна милая дама, которую довелось встретить в пансионате небольшого городка на юге Германии, организовала катание в санях по лесной дороге. Дело в том, что подобное коллективное времяпрепровождение несколько отличается от пикника. Те из гостей, которые стремятся к более тесной компании, не могут просто уйти и затеряться в кустах, предоставив занудам счастливую возможность наслаждаться обществом друг друга. Нет, на зимних прогулках общество сохраняется в полном составе с раннего утра и до позднего вечера. Нам пришлось проехать двадцать с лишним миль вшестером в одних тесных санках, всем вместе отобедать в уединенной деревенской таверне, провести вечер в танцах и пении, а потом, уже при свете луны, отправиться обратно – все те же двадцать с лишним миль. В подобных случаях успех путешествия зависит от каждого члена компании, от его способности гармонично вписаться в общую картину. Накануне вечером, собрав всех в гостиную пансионата, наша энергичная предводительница наносила на полотно завершающие штрихи. Одно место оставалось вакантным.

– Томпкинс!

Два голоса одновременно назвали это имя, а еще три немедленно повторили. Томпкинс был прекрасным человеком – самым веселым и компанейским парнем, какого только можно представить. Его присутствие гарантировало затее яркость и неизбежный оптимизм. Героя, который прибыл лишь несколько часов назад, немедленно показали главной организательнице. Из противоположного угла гостиной до нас доносился его добродушный смех. Решительная дама тут же встала и направилась к означенному джентльмену.

Увы! Мы совсем забыли о близорукости нашей приятельницы. Вернулась она чрезвычайно довольной, в компании мрачного типа, которого я прошлый год встретил в Шварцвальде и надеялся больше никогда в жизни не увидеть. Я отвел ее в сторону и начал умолять:

– Ради всего святого, не приглашайте... – Имя этого человека я забыл, надеюсь, что скоро забуду и его самого, после чего буду чувствовать себя значительно лучше. Для удобства назову его Джонсоном. – Не успеет проехать и полдороги, как он превратит праздник в похороны. Мне уже довелось лазить с ним по горам. Единственное достоинство господина в том, что рядом с ним все остальные неприятности сразу бледнеют.

– Но кто же такой Джонсон? – удивленно осведомилась дама.

– Вот это существо, которое вы зачем-то привели. Ну почему, почему выбор пал именно на него? Где же женская интуиция?

– Боже мой! – горестно воскликнула собеседница. – Я думала, это и есть Томпкинс. Он с готовностью принял приглашение.

Леди считала, что вежливость превыше всего, а потому наотрез отказалась сообщить новому знакомому, что приняла его за другого, более приятного обитателя пансионата. К несчастью, худшие опасения оправдались в полной мере. Путешествие Джонсон начал со ссоры с возницей, а весь путь посвятил рассуждениям о налоговой системе. Хозяину таверны поведал все, что думает о немецкой кухне, а потом потребовал открыть все окна. Один из членов нашей компании, немецкий студент, затянул песню «Германия, Германия превыше всего!», и в результате разгорелась жаркая дискуссия о месте чувства в литературе. Джонсон завершил спор резким осуждением тевтонского характера в целом. Мы не танцевали. Джонсон заявил, что, разумеется, может говорить только от своего имени, но лично он считает, что созерцание дам и мужчин средних лет, прыгающих в обнимку, словно малые дети, наводит на окружающих тоску. Несдержанное поведение естественно только для молодежи, так пусть молодые и веселятся. Лишь четверо из нашей компании могли с некоторой долей вероятности отнести себя к возрастной категории «до тридцати», но они сжалились над остальными и не стали демонстрировать собственное превосходство. Обратную дорогу Джонсон оживил глубокомысленным анализом полученного удовольствия, разо-

брав по пунктам, на чем именно основывались приятные впечатления и из каких конкретных компонентов состояли.

И что же? Желая узурпатору спокойной ночи, наша очаровательная хозяйка поблагодарила его точно в тех же выражениях, с какими обратилась бы к Томпкинсу – достойнейшему из достойных, чье безупречное чувство юмора и несомненная, безошибочная тактичность сделали бы день поистине незабываемым.

Каждый получил причитающееся по праву!

Мы дорого платим за стремление к искренности. Например, с некоторых пор окончательно утратили возможность с благодарностью принимать похвалы в свой адрес: признание просто обесценилось. Случается, люди крепко жмут мне руку и сообщают, что с удовольствием читают мои книги. Но теплые слова лишь раздражают. Не то чтобы я недооценивал комплименты – на подобное высокомерие не способен никто. Нет, я просто не верю, что собеседники говорят то, что думают. То же самое они сказали бы, не прочитав ни строчки из написанного тем автором, которому старательно льстят. Если я захожу к кому-нибудь домой и вижу, что на диване вверх обложкой лежит раскрытая книга, написать которую судьба приказала именно мне, то в мозгу немедленно зарождается подозрение. Вполне возможно, что накануне моего появления между хозяином и хозяйкой произошел следующий диалог:

- Не забудь, завтра должен прийти этот Дж...
- Завтра? Неужели нельзя было сказать пораньше?
- Говорил еще на прошлой неделе. Вечно ты все забываешь!
- Нет, не говорил. Я бы запомнила. Он что-то собой представляет?
- Ничего особенного. Всего лишь пишет книги.
- Какие книги? Хотя бы приличные?
- Разумеется, приличные. Иначе я бы его не пригласил. Сейчас эти люди ходят из гостиной в гостиную. Кстати, у нас найдется хоть одно из его сочинений?
- Вряд ли. Впрочем, надо посмотреть. Если бы сказал раньше, можно было бы заказать.
- Ничего, я как раз собираюсь в город. Заодно по дороге загляну и в книжный.
- Денег жалко. Может быть, лучше взять в библиотеке?
- Нет, давай купим. Так солиднее. Ничего, потом подарим кому-нибудь на день рождения.

С другой стороны, диалог мог звучать и иначе. Например, хозяйка вполне могла бы воскликнуть:

- О, как я рада, что он придет! Давно мечтала познакомиться!

Возможно, она с нетерпением ждала выхода моего нового романа и купила книгу едва ли не в день публикации. А теперь читает уже во второй раз, но отвлеклась и случайно забыла в любимом уголке дивана. Увы, привычка к лицемерию и осознание всеобщей неискренности свела все комплименты к пустым, ничего не значащим формулам. В одной гостиной меня увлекла в сторонку знакомая леди. Только что прибыл главный гость – маститый писатель.

- Скажите, – потребовала леди, – что он написал? Мне совсем некогда читать.

Я уже собрался ответить, как в разговор вклинился один заядлый шутник.

– «Монастырь и семейный очаг», – поведал он. – А еще «Адама Бида» (тому, кто случайно забыл, напоминаю: первое произведение принадлежит перу Чарлза Рида, а автор второго – Джордж Элиот).

Остряк хорошо знал мою собеседницу. Она отличалась добрым сердцем, но слегка сумбурным складом ума. В тот вечер известному сочинителю пришлось выслушать пространную хвалебную речь в адрес каждого из этих романов. Они оказались в числе тех немногих,

которые она сумела прочесть, так что комплименты не потребовали особых усилий. Впоследствии леди призналась, что нашла литературного льва весьма приятным, но...

– Если не считать того, – добавила она со смехом, – что он слишком много о себе воображает. Представляете, заявил, что считает обе книги шедеврами англоязычной литературы.

Порой бывает полезно упомянуть имя автора. Некоторые этого никогда не делают, особенно если речь идет о театральных произведениях. Один уважаемый драматург рассказывал, что однажды повел приехавших из колонии друзей на пьесу собственного сочинения. После приятного обеда в хорошем ресторане гости выразили желание отправиться в театр, и он решил сделать сюрприз: утаил, что пьеса вышла из-под его собственного пера. Заглянуть в программку заядлые театралы не потрудились. По ходу действия выяснилось, что комедия не соответствует чувству юмора колониальных собратьев. В итоге первое действие они просидели в унынии, а едва занавес закрылся, нетерпеливо вскочили.

– Нет уж, с меня хватит! – воскликнул один из разочарованных ценителей.

– Пойдемте лучше в «Эмпайр», – предложил второй.

Драматургу ничего не оставалось, как покинуть зал вслед за друзьями. Он решил, что во всем виноват обед.

Один мой молодой приятель из хорошей семьи совершил мезальянс: женился на дочери канадского фермера – милой, искренней, невероятно хорошенькой девушке, один лишь изящный мизинчик которой вобрал в себя больше воли и характера, чем рассеяно в томных фигурах других молодых особ. Я встретился с молодым супругом примерно через три месяца после того, как пара вернулась в Лондон.

Выступать должны лишь те, у кого это хорошо получается

– Ну, – поинтересовался я, – и как тебе семейная жизнь?

– О, моя жена – самое очаровательное существо на свете, – ответил приятель. – У нее только один недостаток: верит всему, что говорят окружающие.

– Не волнуйся, это скоро пройдет, – утешил я.

– Хорошо бы, – вздохнул он. – Порой случаются достаточно неприятные казусы.

– Да, наверное, излишняя доверчивость создает определенные трудности, – согласился я.

– Понимаешь, Клер не отличается прекрасным образованием и не может похвалиться светской утонченностью, – продолжил супруг, явно радуясь возможности заполучить сочувствующего слушателя. – Собственно, она никогда не претендовала на образованность, культуру и прекрасные манеры. И женился на ней я вовсе не из-за этого. Но сейчас бедняжке начинает казаться, что, сама того не сознавая, она давно постигла все светские тонкости. Играет на фортепиано, как школьница на родительском собрании. Предупреждала собравшихся, что владеет инструментом плохо, по крайней мере пыталась предупредить. Но все вокруг начали уверять, что такого не может быть, что они слышали хвалебные отзывы и теперь мечтают насладиться высоким мастерством. Моя жена – воплощение доброты: готова встать на голову, если кто-нибудь очень попросит. И вот она решила, что гостям действительно жизненно необходимо послушать музыку, и не посмела отказать. Льстецы тут же заявили, что исполнительница обладает необыкновенным туше – так оно и есть, только сама она даже не в состоянии понять, о чем речь. Почему же талантливая леди не занялась музыкой профессионально? Доверчивая девочка всерьез задумалась об упущенных возможностях. Публика не насытилась, просила играть еще и еще и не встретила отказа. В следующий вечер мне пришлось стыдливо прятаться в темном углу и слушать четыре пьесы подряд, причем одной из них оказалась соната Бетховена. Мы заранее знали, что прозвучит соната Бетховена. Прежде чем начать играть, жена объявила название произведения, иначе можно

было решить, что звучит ее собственный опус. Все мы сидели с деревянными физиономиями и разглядывали пол. Когда попытка закончилась, те, кто не смог пробраться к исполнительнице, чтобы вдоволь поглумиться, окружили меня. Всем хотелось знать, почему я держал сокровище в секрете и никому не говорил, что открыл яркое музыкальное дарование. Честное слово, однажды не выдержу и оттаскаю кого-нибудь из лицемеров за нос. Чувствую, что так оно и случится. А еще Клер обожает декламировать какую-то странную поэму. До сих пор не понимаю, что это за сочинение – комическое или серьезное. В исполнении жены воплотились худшие качества обоих жанров. Главным образом речь идет об ангеле и ребенке, однако примерно в середине поэмы в сюжет вклинивается собака, и с этой минуты уже невозможно понять, кто именно произносит реплики: иногда кажется, что ангел, а потом вдруг оказывается, что собака. Легче всего узнать ребенка: тот почему-то постоянно гнусавит. Мне пришлось выслушать кошмарное творение уже не меньше полусотни раз. И представьте себе, неутомимая артистка готовит новый номер!

Мир наделен скрытым смыслом!

– Больше всего страдаю оттого, – продолжал жаловаться приятель, – что приходится наблюдать, как любимая женщина выставляет себя на посмешище. Но что же делать? Если попытаться объяснить все, как есть, бедняжка сгорит со стыда, а ее искренность, пожалуй, главная составляющая очарования, окажется безжалостно растоптанной. Проблема зашла далеко. Например, Клер не слушает моих советов относительно нарядов. Только смеется и повторяет ту ложь, которой дамы обычно потчуют молодую неопытную особу, уродующую себя нелепой одеждой, особенно если девушка хороша собой и вызывает откровенную зависть. На прошлой неделе, стоило мне отпустить жену одну в город, как она сразу купила шляпку. Да еще какую! Стоит лишь добавить свечи, и получится самая настоящая рождественская елка. Так вот, лицемерки потребовали немедленно снять головой убор и принялись рассматривать, якобы для того, чтобы заказать себе точно такие же. Ну а глупышка сидела в полном восторге и с удовольствием объясняла секреты фасона. На все рауты мы приезжаем на полчаса раньше назначенного срока, потому что жена боится опоздать хотя бы на минуту. Видите ли, однажды ей сказали, что без нее вечер не начнется, только присутствие главной гостьи придает собранию смысл. А уезжаем всегда последними: остальные дамы могут делать что угодно, но, как только супруга покинет гостиную, воздух наполняется неизбывной печалью. Она уже едва не падает с ног от усталости, да и хозяевам все давно надоело, однако стоит мне посмотреть на часы, как начинаются жалобные просьбы посидеть еще немного. Супруга верит и называет меня жестоким и бессердечным предателем, готовым оставить в беде преданных друзей. Ну почему, почему все мы упорно продолжаем эту нелепую игру? В чем заключается смысл вечного лицедейства? – с горестным недоумением воскликнул приятель.

Достойного ответа я не нашел.

V

Огонь и иностранец

Непонятные люди эти иностранцы. Порой, в моменты отчаяния, я почти готов бросить непредсказуемых эксцентриков на произвол судьбы: мне безразлично, что стряется спустя полчаса. Признаюсь, согласен даже позволить им совершать бесконечные глупости, иными словами, готов умыть руки и заняться собственными делами. Что и говорить, порой все мы подвержены слабости. Неразумные обитатели Европейского континента вполне способны сидеть холодным вечером на продуваемой восточным ветром террасе кафе и беспечно резаться в домино. Могут стоять на открытой площадке трамвая, рассекающего ледяной воздух с бешеной скоростью пятнадцать миль в час, и отказываться войти внутрь, даже если просит леди. Но в то же время в железнодорожном вагоне, где можно поджарить рыбу, положив ее под сиденье, не позволяют открыть окошко, зажигают сигары, чтобы согреть носы, и даже не расстегивают воротники шуб.

В их домах двойные окна герметично заклеены в течение трех, а то и четырех месяцев в году. Если вы осмелитесь подойти к печке ближе чем на ярд, то рискуете обжечь лицо – раскаленный воздух опасен. Путешествия способствуют расширению кругозора. Кроме того, за границей британец постепенно начинает понимать, что в некоторых отношениях его соотечественники далеко не настолько глупы, как принято считать. Было время, когда я сидел, вытянув ноги, перед английским камином, который издавна топят углем, и с почти-тельным вниманием слушал, как знающие люди доказывают неразумность и неэкономичность наших методов.

Все тепло от огня, объясняли умники, вылетает в трубу. Я не осмеливался возразить, что, даже несмотря на предательскую трубу, возле камина тепло и уютно. Не осмеливался потому, что опасался: вдруг греет вовсе не огонь, а всего лишь британская глупость? Как может греть огонь? Ведь тепло вылетает в трубу. Должно быть, согревал меня жар невежества. Кроме того, если, сидя возле камина и пристально глядя в огонь, не удалось бы, пусть даже посредством самовнушения, ощутить тепло, то что же в таком случае делать в противоположном конце комнаты?

Оставалось надеяться на утешительный ответ. Например, такой.

Никто не заставляет сидеть вдали от камина, на холоде. Делать там нечего. Здесь, возле семейного очага, вполне достаточно места для тех, кто по-настоящему дорог. Сидеть всем вместе у огня не менее разумно, чем прятаться по дальним углам. Тепло и свет способны собрать родных и друзей. Именно родные и друзья напомнили мне, как занимающая середину комнаты печка с длинной уродливой трубой позволяла сидеть вдоль стен, подобно пациентам в приемной доктора, время от времени подбрасывая в топку кокс и картофельные очистки.

С тех пор я успел приобрести богатый опыт общения с печкой, сконструированной по законам современной науки. И что же? Теперь мечтаю о старомодном, антисанитарном, расточительном, нелогичном открытом источнике тепла. Хочу, чтобы дым улетал в трубу, а не оставался в комнате, отзываясь болью в висках и противным головокружением. Входя в дом с заснеженной улицы, хочу видеть живой огонь и слышать, как пламя, весело потрескивая, спрашивает:

– Ну что, старик, холодно? Ничего. Проходи, садись. Не бойся, протяни руки. Правильно, не стесняйся, отодвинь этого лежебоку-кота на пару ярдов в сторону. Он здесь уже

целый час жарится, лентяй. Того и гляди, кости размякнут. Ну, поставь ноги на решетку. Через пару минут подадут чай.

Моя британская глупость

Люблю остановиться возле огня и погреть спину: да, просто приподнять полы сюртука, засунуть руки в карманы и постоять несколько минут. Мне не мила безликая, равнодушная белая печь где-нибудь в углу, за диваном: уж очень она похожа на фамильный склеп. Возможно, эта штука греет и соответствует требованиям гигиены, но все равно доверия не вызывает. Согласен, у нее есть объективные достоинства, например шкаф, куда можно положить вещи на просушку. Можно даже о них забыть. В этом случае через некоторое время окружающие начнут жаловаться на запах гари и неуверенно высказывать надежду на отсутствие в доме пожара. Вам останется лишь успокоить гостей, сказав, что скорее всего горят ваши собственные ботинки, и ничего больше. Порой сложными домашними агрегатами управляют при помощи специального рычага. Если загрузить слишком много топлива и неправильно повернуть ручку, опасная штука взорвется. А если угля совсем не положить, а огонь вдруг внезапно вспыхнет, то тоже взорвется. Просто система не умеет привлекать к себе внимание другим способом. На континенте легко определить, когда огонь вышел из-под контроля. То и дело можно услышать примерно следующие разговоры.

– Кажется, взорвалось в столовой, – замечает кто-нибудь из домашних.

– Нет, не похоже, – возражает другой. – Хлопок раздался сзади. Наверное, это в моей спальне.

Вскоре начинают отваливаться куски потолка, а потом вы замечаете, что прямо на вас медленно падает зеркало.

– Нет, все-таки это здесь, в гостиной. Странно, как трудно понять, откуда доносится звук.

Вы хватаете в охапку детей и стремглав выскакиваете из комнаты. Спустя некоторое время, когда паника отступает, возвращаетесь и с опаской осматриваетесь. Кажется, взрыв оказался легким. Банкнота достоинством в десять фунтов и пара водопроводчиков за неделю приведут дом в порядок. Говорят, немецкие печи весьма экономичны, однако необходимо научиться их понимать. Тешу себя надеждой, что в конце концов постиг тайну. Познание стоило не дороже пятидесяти фунтов. Теперь пытаюсь обучить членов семьи. Жаль только, что лодыри не хотят учиться.

– Делай сам, – заявляют они и суют мне в руку совок для угля. – Мы боимся.

До чего же уютная, патриархальная картина: глава семьи гордо стоит между восхищенными, полными трогательного доверия к его могуществу домочадцами и вселяющей ужас, готовой в любую минуту взорваться печью. Родные собираются вокруг всезнающего мастера и с надеждой взирают на смельчака, которого не пугают даже заграничные устройства. Но случаются дни, когда даже я устаю от сложной и ответственной процедуры растопки.

Дело в том, что недостаточно ознакомиться с каким-то одним конкретным экземпляром. Практично настроенный иностранец гордится обладанием различных аппаратов, каждый из которых требует особого тонкого подхода. До сих пор я рассказывал лишь о печах, применяемых в гостиных и спальнях. Холл требует устройства совсем другого рода: здесь должна стоять гордая железная особа, склонная презрительно воротить нос от кокса и картофельных очистков. Если вы предложите ей что-нибудь помимо лучшего угля, она немедленно возмутится, то есть взорвется. Жизнь в окружении множества упрямых, своевольных отопительных систем чем-то напоминает попытку приятно провести вечер в компании раздражительных, сварливых, вспыльчивых старых полковников. В кухне стоит печь, которую следует использовать исключительно для жарки: она не согласится принять ничего, кроме

дров. Если, от чистого сердца желая добра, накормить ее углем, она сделает то же самое, что и все остальные, – взорвется.

В Бельгии популярна одна особенно хитрая печка. Капризная мадам снабжена маленькой дверкой сверху и маленькой дверкой снизу, а потому очень похожа на перечницу. Настроение ее всецело зависит от этих самых дверок. Иногда выясняется, что нижнюю надо закрыть, а верхнюю, напротив, следует оставить открытой. Или наоборот. Или обе должны быть открыты или закрыты – угадать трудно. Весьма капризное и привередливое существо.

Обычной логикой вы ничего не добьетесь. Чтобы постичь таинство бельгийского агрегата, необходимо родиться в создавшей его стране. Секрет заключается в интуиции: только бельгийская кровь позволит найти общий язык с бельгийской печкой. По сути дела, вы общаетесь с избалованным домашним любимцем. Взрывается он нечасто, зато, когда сердится, подбрасывает в воздух крышку и раскидывает по комнате угли. Можно сказать, что огонь живет в железном шкафу. Когда он вам нужен, вы открываете дверцы, которые крепятся на обычных шарнирах, и впускаете в комнату тепло. А как только становится слишком жарко, пытаетесь запихнуть тепло обратно. В итоге конструкция падает, горничная вскидывает руки, восклицает: «Mon Dieu!» – и громко зовет повариху и служанку. Те тоже восклицают: «Mon Dieu!» – после чего выливают на хулиганку несколько ведер воды. К тому времени как в комнате воцаряется мир, вы твердо решаете заменить порождение бельгийского остроумия обычной взрывоопасной системой, к которой хотя бы уже успели привыкнуть.

Меня считают сумасшедшим

В своем собственном доме вы, разумеется, можете настежь открыть окна и победить заграничную печку. Вся улица сочтет вас сумасшедшим. Ну и что? Все иностранцы и так непременно считают англичанина сумасшедшим. Можно сказать, что сумасшествие – его врожденная привилегия. Так что во мнении улицы вы уже не упадете ниже, чем прежде, зато получите возможность нормально дышать. Но вот в вагоне поезда сумасшествие не допускается. В Европе, если вы не готовы раскидать всех пассажиров, выбросить в окно кондуктора и захватить поезд, надеяться на глоток свежего воздуха бесполезно. За границей действует нерушимое правило: если хотя бы один из присутствующих не хочет, чтобы окно открыли, окно остается закрытым. Теплолюбивый европеец не будет с вами спорить, а просто позвонит, вызовет кондуктора и сообщит, что температура в вагоне опустилась намного ниже девяноста градусов по Фаренгейту. Должно быть, окно открыто.

Кондуктор, как правило, происходит из отставных военных. Он понимает, что значит получить пулю в лоб, понимает, что значит вылететь из окна на полном ходу, но не понимает обычных санитарных норм. Если, как я уже объяснил, вы его пристрелите или безвозвратно вышвырнете в окно, это его, пожалуй, убедит. Во всяком случае, он даст вам возможность обсудить вопрос со вторым кондуктором, который в результате ваших действий уже стал первым. Поскольку по поезду раскидано не меньше десятка этих парней, процесс обучения может затянуться и даже несколько наскучить. В конце концов вы сдадитесь и подчинитесь правилам.

Но только в том случае, если вы не американская дама. Никогда еще мое сердце не переполнялось столь искренней любовью к американскому народу, как по пути из Берна в Веве. Вот уже битый час мы сидели в атмосфере, которая, несомненно, лишила бы склонности к наблюдениям даже великого Данте. Уверен, не прошло бы и десяти минут, как гений потерял бы всякий интерес ко всему, что происходит вокруг. Он не стал бы задавать вопросов, а шепнул бы на ухо Вергилию:

– Выведи меня отсюда, старик. Умоляю!

Порой я мечтаю превратиться в американскую даму

Вагон переполнен, преимущественно немцами. Все окна закупорены, все вентиляторы перекрыты. Горячий воздух циркулирует по ногам. Семнадцать мужчин и четыре женщины непрерывно курят, двое детей сосут мятные леденцы, пожилая пара не может пропустить ленч, щедро приправленный чесноком. На станции дверь распахивается настежь. Европейец обычно приоткрывает ее лишь немного, проскальзывает внутрь и снова плотно закрывает как можно быстрее. Но на сей раз в вагоне появляется не европейец, а американская дама, изучающая Старый Свет в сопровождении пяти других американских дам. Все они бодро входят, нагруженные множеством сумок. Шесть мест рядом найти не удастся, поэтому вновь прибывшие рассеиваются по вагону. Едва каждая из путешественниц освобождается от багажа, как тут же бросается к ближайшему окну и резким движением распахивает его настежь.

– Удивительно, – произносит первая дама. – Неужели здесь до сих пор никто не умер?

Идея, насколько я понимаю, заключается в том, что асфиксия неминуемо приводит к коматозному состоянию, а потому, если бы спасительницы не появились вовремя, все мы скончались бы, не приходя в сознание.

– Необходимо обеспечить циркуляцию воздуха, – поддерживает вторая американка.

И вот они открывают дверь в конце вагона, вчетвером выходят в тамбур и, приятно беседуя, наслаждаются пейзажем, в то время как две оставшиеся спутницы делают то же самое в противоположном конце и начинают с энтузиазмом фотографировать Женевское озеро. Все присутствующие вскакивают с мест и на шести языках осыпают американок проклятиями. Естественно, в дело идут аварийные кнопки, после чего на помощь прибегают встревоженные кондукторы. Но и они оказываются бессильны: путешественницы встречают претензии с жизнерадостной непреклонностью и упорно отстаивают свои права, естественно, при настежь распахнутых окнах и дверях. В конце концов кондукторы, которым, несомненно, уже приходилось иметь дело с американскими дамами, пожимают плечами и ретируются. Пассажирам ничего не остается, как распаковать чемоданы и достать все имеющиеся в наличии теплые вещи, начиная с шалей и заканчивая пижамами с начесом.

Потом мне довелось встретить очаровательных попутчиц в Лозанне. Они весело сообщили, что швейцарские власти приговорили каждую к сорока франкам штрафа. Правда, платить ни одна не собиралась.

Безмерная страсть к почтовым открыткам

Мне сказали, что помешательство на почтовых открытках в Германии – стране, где были изобретены чудесные красочные картинки, уже пошло на спад. Если немцы что-то делают, то делают обстоятельно – или вообще не делают. Едва гражданин Германии увлекается почтовыми отправлениями, как забывает обо всех иных сторонах жизни. Немецкий турист понятия не имеет, в каких местах побывал, до тех пор пока не попросит друга или родственника показать те открытки, которые сам же и прислал. И только в этот момент начинает радоваться полученным впечатлениям.

– Что за очаровательный городок! – восклицает он. – Жаль, что так и не успел выйти из отеля и прогуляться по старинным улочкам. Но все равно приятно сознавать, что побывал в милом уголке.

– Ты, наверное, провел там мало времени? – участливо уточняет приятель.

– Мы приехали к вечеру, – объясняет турист. – До темноты бегали и покупали открытки, а с утра пораньше сели их подписывать. Когда наконец закончили, пора было завтракать и уезжать.

Он взглянул на карточку с живописным видом, открывающимся с горной вершины.

– Потрясающе! Неповторимо! Знал бы, что там такая красота, непременно остался бы еще на день и посмотрел.

Всегда поучительно наблюдать за группой немецких туристов, оказавшихся в деревушке Шварцвальда. Едва выпрыгнув из дилижанса, они плотным кольцом окружают одинокого полицейского.

– Где здесь продают открытки? Быстрее, в нашем распоряжении всего два часа. Где купить открытки?

Предчувствуя вознаграждение, полицейский рысью направляется в нужную сторону. Полные господа, непривычные к быстрым темпам, семянят следом; еще более полные фрау забывают о приличиях и подбирают юбки едва ли не до колен; худенькие фрейлейн мертвой хваткой вцепляются в возлюбленных и резво бросаются вперед. Нервные прохожие пугаются и спешат спрятаться в ближайшей подворотне, а неосторожные зеваки оказываются в канаве. И вот они у цели. В узких дверях магазинчика начинается настоящая давка. Воздух сотрясают отчаянные крики задыхающихся женщин и растоптанных детей, то и дело прерываемые проклятиями рассерженных мужчин. В обычной обстановке житель Германии представляет собой мирное, законопослушное существо, но погоня за открыткой мгновенно превращает его в зверя. Женщина вцепляется в альбом с открытками и начинает выбирать, однако в этот момент добычу вырывают из рук. Она раздражается слезами и бьет зонтиком того, кто оказывается рядом. Лучшие экземпляры всегда достаются самым ловким, хитрым и сильным. Ну а слабым и вежливым приходится довольствоваться видами почты и железнодорожной станции. Судорожно сжимая трофеи, изрядно помятая толпа бросается к отелю, сметает со стола посуду, усаживается и принимается лихорадочно писать. Трапеза проходит в спешке. Затем подают свежих лошадей, немецкие туристы бодро занимают свои места и уезжают, по дороге осаждавая возницу вопросами о названии местечка, где только что побывали.

Открытка как родовое проклятье

Логично предположить, что от открыточной лихорадки устали даже терпеливые немцы. Одна из газет в качестве анекдота представила разговор двух молодых клерков о предстоящем летнем отпуске.

– Куда собираешься? – спрашивает господин А.

– Никуда, – отвечает господин Б.

– Неужели не хватает денег? – сочувственно уточняет А.

– Сумел накопить только на открытки, – мрачно сообщает Б. – А на саму поездку ничего не осталось.

Еще недавно путешественники таскали за собой пухлые тома с адресами бесчисленных родственников, друзей и знакомых, которым обещали присылать открытки. Повсюду – на уютной лесной опушке, на берегу переливающегося серебром моря, на крутой горной тропе – встречаются преждевременно постаревшие индивиды, на ходу бормочущие себе под нос:

– Хм, не помню, послал ли тете Гретхен открытку из последней деревни или отправил сразу две кузине Лизе?

Порой красочные открытки могли стать серьезным поводом для разочарования. Неинтересные, безликие городки наверняка требовали, чтобы их приукрасили, точно так же как некрасивые старые девы в фотоателье.

– Мне нужен портрет, который понравится друзьям, – заявляет подобная леди. – Неумелые фотографы умудряются снять так, что смотреть не хочется. Разумеется, я не прошу льстить. Просто постарайтесь доставить людям радость.

Услужливый фотограф старается изо всех сил: нос тщательно отретуширован, бородавка на щеке превращена в ямочку – не смог бы узнать даже собственный муж (если бы имелся в наличии). Точно так же действует и художник, создающий почтовую открытку, он тоже умело выдает желаемое за действительное.

– Если бы не нелепые новые дома, – рассуждает он сам с собой, – то эта улица вполне могла бы предстать во всем своем средневековом очаровании.

Мастер следует за воображением и рисует улицу такой, какой мечтает видеть. Любитель архитектурных изысков не ленится сделать крюк, чтобы взглянуть на понравившийся вид, а когда наконец находит то, что искал, и сравнивает с картинкой, приходит в бешенство. Я и сам однажды купил открытку с изображением рыночной площади одного старинного французского городка. Взглянув на пейзаж, решил, что еще ни разу не видел истинную Францию, и поехал за сто миль, чтобы приобщиться к истинной красоте. Постарался явиться в базарный день, в самое оживленное время. Пользуясь советами местных жителей, пришел в указанное место и внимательно посмотрел по сторонам. Потом спросил полицейского, где в их городе рыночная площадь. Полицейский ответил, что я на ней стою.

– Нет-нет, не эта, – возразил я. – У вас есть другая, большая и живописная.

Он сказал, что у них только одна рыночная площадь, и тогда я достал из кармана открытку.

– А где же девушки? – спросил я.

– Какие еще девушки? – не понял страж порядка.

Мечта художника

– Вот эти. – Я показал открытку, на которой радовались жизни не меньше сотни девушек. Все как одна выглядели хорошенькими, а некоторых при желании можно было бы даже назвать красивыми. Веселые, бойкие французенки продавали цветы и разнообразные фрукты: спелые красные яблоки, прозрачный виноград, крупную темную вишню, сияющую клубнику – свежие, покрытые каплями серебристой росы плоды. Полицейский озадаченно заметил, что ни разу в жизни не видел на этой площади никаких девушек, и, мимоходом упомянув святых и мучеников, признался, что был бы рад найти в этой дыре хотя бы несколько смазливых мордашек. В реальной жизни на площади, вокруг фонарного столба, восседали шесть тетушек почтенного возраста. Одна, правда, сквозь усы курила трубку, но все остальные вполне походили на женщин. Две торговали рыбой. Точнее сказать, торговали бы, если бы нашелся хоть один покупатель. Изображенная на открытке ярко одетая толпа усохла до двух рабочих в синих блузах, о чем-то увлеченно беседующих в отдалении. Судя по активной жестикуляции, тема живо интересовала обоих. Кроме них в поле зрения попали еще двое: мальчик, предпочитавший двигаться спиной вперед – очевидно, чтобы не пропустить того, что творится сзади, – и унылая рыжая собака, потерявшая надежду дожидаться, когда здесь вообще что-нибудь произойдет. Эти четверо да мы с полицейским – вот и все население площади. Кроме рыбы, рынок предлагал яйца и полдюжины чахлах куриц, свисавших с похожего на метлу устройства.

– А где же собор? – спросил я собеседника. Открытка являла взору величественное старинное сооружение в готическом стиле. Полицейский ответил, что когда-то здесь дей-

ствительно стоял собор, но потом на его месте устроили пивоварню. Он ткнул пальцем в сторону, впрочем, часть оригинальной южной стены, кажется, сохранилась до сих пор. Возможно, управляющий согласится мне ее показать.

– А фонтан? – продолжал настаивать я. – И все эти голуби?

Он ответил, что разговоры о фонтане действительно велись и, кажется, когда-то даже существовал архитектурный проект.

Оставалось лишь сесть на ближайший поезд и уехать. С тех пор я никогда больше не отклоняюсь от заранее намеченного маршрута, чтобы воочию увидеть изображенный на открытке пленительный пейзаж. Не исключено, что и других путешественников постигло столь же острое разочарование и открытия с видами континентальной Европы утратили функцию путеводителя.

Отныне производители рассчитывают на притягательность вечного женского начала. Как правило, коллекционеры собирают изображения хорошеньких барышень. Благодаря щедрости своих корреспондентов я и сам стал счастливым обладателем почти сотни девушек, а если выразаться точнее, одной девушки во множестве разных головных уборов. В шляпах огромных и маленьких, а иногда и совсем без шляпы. Иногда она улыбается, а порой смотрит так, словно только что потеряла последний пенс. Вот разодета в пух и прах, а вот явно не успела привести себя в порядок. Как бы там ни было, а девушка точно одна и та же. Наверное, очень молодым людям никогда не надоест ее разглядывать, но лично я уже начинаю уставать. Наверное, сказывается коварно подступающая старость.

А почему бы для разнообразия не обратиться к вечной мужественности?

Знакомые молодые леди тоже начинают проявлять заметное недовольство. Должно быть, сердятся на художников за то, что те пренебрегают мужским началом. Почему бы не создать портреты молодых людей в шляпах различных фасонов – широкополых и с узкими полями. Молодых людей с лукавой улыбкой на губах. Молодых людей благородного вида. Девушкам не нравится украшать комнаты портретами красоток. Нет, они хотят, чтобы со стен смотрели молодые красивые джентльмены.

Но возможно, я напрасно ропщу. Отцу свойственно слышать то, что недоступно молодежи. В реальной жизни девушка остро ощущает недостижимость созданного художником идеального образа.

– Настоящие юбки никогда не ложатся такими складками, – ворчит мисс. – Ткань просто не сможет удержаться и обвиснет. И ноги не бывают такими маленькими. Это не наша вина, а закон природы. А талия! Где вы видели подобную талию? У человека все-таки должны быть внутренние органы. Разве сюда что-нибудь поместится?

Природа еще не достигла созданного воспаленной фантазией идеала. Молодой человек рассматривает открытку, любителю картинок в цветном календаре, который накануне Рождества дарит местный бакалейщик, обращает внимание на рекламу мыла и не без досады вспоминает подружку Полли Перкинс, а ведь бедняжка хороша настолько, насколько вообще можно быть хорошенькой в этом несовершенном мире. В результате молодой особе приходится учиться стенографировать и печатать на машинке, чтобы заработать на жизнь. Вывод: современная женщина пала жертвой художника.

Каким образом искусство губит женщин

Мистер Энсти рассказывает о молодом парикмахере, влюбившемся в восковой манекен. День и ночь юноша мечтал о ней – молодой леди с прекрасным бледным лицом, на

котором застыло выражение невозмутимой благожелательности. Ни одна из знакомых девушек не могла сравниться с красавицей. Если мне не изменяет память, несчастный так и умер холостяком, до конца своих дней продолжая грезить о восковом идеале. К счастью, мужчинам столь неравная конкуренция не грозит. Если бы с каждого рекламного щита, с каждой открытки, с каждой страницы любого иллюстрированного издания на дам смотрели безупречные мужчины в прекрасно отглаженных брюках без пузырей на коленях! Скорее всего нам до конца пришлось бы самим готовить себе завтрак и застилать постель.

Положение во многом усложняют писатели и драматурги. В романах и пьесах молодой герой увлекает избранницу потоком красноречия и водопадом образов, на обретение которых в жизни ушли бы долгие годы. О чем же думает начитанная молодая леди, слушая речи настоящего, а не придуманного соискателя? Он не способен на яркие сравнения. Ну, может быть, отважится назвать розой или маргариткой, смущенно намекнет, что она его пчелка или его божья коровка; как известно, от волнения мысли слегка путаются. В только что прочитанном романе герой сравнивает героиню чуть ли не с половиной царства растений. Описывая то впечатление, которое красавица произвела на восприимчивую к красоте душу, до дна исчерпывает популярную астрономию. Должно быть, немало поэтических строк заучено в попытке начертать яркие образы отдельных составляющих неотразимой избранницы – ее глаз, зубов, сердца, волос, ушей. Лишь скромность не позволяет расширить каталог. Влюбленный с острова Фиджи скорее всего зашел бы значительно дальше. Увы, прочитать роман, написанный в этой части света, нам пока не довелось. К окончанию хвалебной песни молодая леди приобретает несколько искаженное представление о собственных достоинствах, очевидно, в душе ее рождается осознание собственной особы как некоего собрания музейных экспонатов.

Как трудно жить в постоянном стремлении к идеалу

Бедная Анджелина непременно разочаруется в настоящем, живом Эдвине. Не возьмусь утверждать, что искусство и беллетристика не усложняют нашу жизнь сверх предусмотренных Создателем пределов. Панорама, открывающаяся с вершины горы, не столь отчетлива и детальна, как изображенный на открытке идиллический вид. Театральная пьеса, страшно признаться, далеко не всегда соответствует блеску глянцевого афиши. Малышка Полли Перкинс, конечно, чертовски мила, но до чего же неумолимо манит образ с календаря! Бедняжка Джон Смит добр, очарователен и пылко влюблен: признается смущенно и глупо, даже начинает заикаться от волнения. Но разве можно ответить на его чувство, когда в памяти еще свежо яркое признание героя недавно прочитанного романа! Художник создает мир мечты и восторга, по сравнению с которым обыденная жизнь бледнеет.

VI

Леди и проблема

Героиня «проблемной драмы» – прекрасная женщина, однако в жизни неминуемы непредвиденные, часто весьма неприятные ситуации, в которых виноваты другие.

Возможно, проблема в этом и заключается: кто несет ответственность за прошлое героини? Отец? Подробно она об этом не говорит, не склонна к излишней откровенности. Молча страдающая жертва сложных предшествующих обстоятельств не намерена покупать справедливое к себе отношение, направляя грозный указующий перст на того, кто, несмотря на все возможные провинности, когда-то был ее отцом. Она не в силах переступить через единственное оправдательное обстоятельство. Да если бы и могла, все равно не позволила бы себе это сделать. И он сохранит единственное достояние, какой бы ни оказалась его цена в день Страшного суда. Никто не сможет отнять принадлежащего по праву. «В конце концов, он был моим отцом». Героиня признает факт, особенно подчеркивая глагол «был». В том, что джентльмен не сохранил почетный статус, лишь его вина. Судя по всему, последующее поведение родителя вынудило героиню прервать родственные отношения.

– Я люблю тебя, – возможно, сказала леди, перефразируя обращенный к Кассио монолог Отелло. – Таков мой дочерний долг. Теперь уже никакие обстоятельства не помешают признать, что именно обостренное, а порой и болезненное чувство ответственности стало причиной всех неприятностей, свалившихся на наши головы в этой пьесе. Ты навсегда останешься объектом неразумной, неуместной любви, пусть и не свободной от презрения. Но никогда больше не считай себя моим родственником.

Не приходится сомневаться в простой истине: без отца героиня не имела бы прошлого. Лишенные возможности свалить вину за действия леди на кого-нибудь другого, мы набрасываемся на несчастного джентльмена. В определенном смысле он остается нашим единственным спасительным якорем. Существуют пьесы, в которых поначалу почти невозможно найти виновного – некого осудить, кроме самой героини. Неприятности происходят исключительно потому, что она оказывается такой, как есть: кто в этом виноват? Разумеется, отец! Ведь это его дочь не смогла стать лучше. Героиня одной из «проблемных драм» как-то раз ясно и недвусмысленно высказала старику все, что думает:

– Вы, родители, в ответе за наши характеры.

Тут-то она его и поймала. Пристыженный и растерянный, бедняга не нашел ни слова в ответ и молча ушел со сцены, забыв на стуле шляпу.

Впрочем, иногда отец предстает в образе «ученого», что в театральном мире означает все того же беспомощного недоумка. Если герой драматического произведения не обладает выраженными умственными способностями, а автор не знает, что делать дальше, то обычно позволяет ему стать ученым. После этого часть вины снимается естественным способом. Ведь не будь чудак погружен в нелепые размышления о глупых, никому не нужных звездах или в не менее нелепые наблюдения за отвратительными жуками, вместо того чтобы изучать сложную душу собственной дочери, он мог бы предпринять что-нибудь полезное и не допустить неблагоприятного развития событий. Героиня не говорит, что именно: например, он мог бы время от времени, пока дочь еще была юной и податливой, проводить душевные беседы и оберегать от греха.

Сценический герой, который однажды сказал правду

Давным-давно в превращенном в театральный зал деревенском амбаре мне довелось посмотреть чрезвычайно поучительную пьесу. Теперь-то я понимаю, что это была самая настоящая «проблемная драма». По крайней мере драму можно было бы назвать проблемной, если бы история с прошлым касалась героини, а не героя, то есть мужчины. Сценическая жизнь не создает мужчине проблем. Герою «проблемной драмы» не приходится принимать сложных, мучительных решений; ему остается лишь гадать, какой следующий шаг совершит героиня. Впрочем, в данном случае человека на сцене трудно было назвать истинным героем. Он стал бы таковым в том случае, если бы в последнем акте его не повесили. Во всем остальном, впрочем, молодой человек оставался весьма приятным джентльменом, исполненным чувства и не стыдящимся его откровенных проявлений. Стоя на эшафоте, он умолял палача позволить в последний раз обнять мать. Прекрасная идея. Палач даже расстрогался и не смог отказать. Осужденный спустился по шатким деревянным ступенькам, обнял рыдающую старушку и... откусил ей нос. А после этого подробно разъяснил присутствующим мотивы поступка. Оказалось, что однажды в далеком детстве он вернулся домой с кроликом в кармане. Вместо того чтобы взять ремень и добросовестно вбить в сына восьмую заповедь, матушка пренебрегла родительскими обязанностями и всего лишь бегло заметила, что кролик – весьма полезное в хозяйстве животное, после чего отправила ребенка в огород убирать лук. Выполни она тогда священный долг, герой не оказался бы в нынешнем крайне неблагоприятном положении, а нос остался бы на месте. Сидящие в зале отцы и матери встретили монолог с энтузиазмом и наградили актера бурными аплодисментами, однако зрители младшего поколения сразу почувствовали подвох и насупились.

Возможно, на нечто подобное намекала и героиня. Вполне вероятно, что проблема связана не с ней самой, а с ее родителями. Как лучше воспитывать дочь, проявляющую едва заметную склонность к пороку? Следует ли руководствоваться исключительно добротой? А если применять противоположные методы, то до какой степени?

Время от времени родители пытаются разрешить проблему, во всяком случае ту ее часть, которая непосредственно касается их самих, прибегнув к методу ранней смерти – вскоре после рождения дочери. Несомненно, они убеждают себя, что только таким кардинальным способом можно уйти от неминуемой ответственности и нависающих подобно дамоклову мечу ужасных обвинений. Однако на практике обстоятельства складываются значительно сложнее.

– Ах, если бы у меня была мама или хотя бы отец! – горестно восклицает героиня, и зрители сразу понимают, как подло было с их стороны уклониться от ответственности и бросить ребенка на произвол судьбы.

Как ни крути, а родители мертвы. Конечно, мы презираем дезертиров за малодушие, но возложить на них ответственность за дурные поступки героини не имеем права. Конфликт приобретает новый характер. Виновата ли Судьба? Леди на сцене явно не против подобного варианта. Больше того, она охотно объясняет, что обречена приносить страдания тем, кого любит. По ее собственной версии, поначалу она восставала против жестокого предназначения, скорее всего подстрекаемая теми несчастными, которых угораздило заслужить ее расположение. Однако впоследствии героиня научилась принимать странную волю высших сил с трогательной покорностью и теперь горько сожалеет о том, что дорогие существа не разделяют ее смирения, а ведут себя мелко и суетливо.

В роли козла отпущения Судьба обладает несомненными преимуществами перед отцом. В частности, она всегда здесь, всегда рядом; не имеет возможности трусливо улизнуть, скончавшись, прежде чем начнутся настоящие неприятности; не в состоянии даже

выдать себя за рассеянного ученого. Она постоянно присутствует в зоне обзора. С разумной долей осторожности на нее можно свалить любые неприятности. Расстраивает лишь то обстоятельство, что провидение не возражает против обвинений. Еще никому не удалось заставить неведомого судью ощутить угрызения совести, никому не посчастливилось облегчить душу негодующим криком:

– Вот, смотри, что ты наделал! Только взгляни на эту милую, изящно сложенную леди, обреченную путешествовать первым классом с одного европейского курорта на другой с невероятным количеством багажа: горничная едва не сходит с ума! Бедняжка вынуждена существовать на кругленькую сумму примерно пять тысяч фунтов в год, большая часть которой уходит на одежду. Любят ее исключительно лучшие люди пьесы; все вокруг говорят только о ней и больше ни о ком; все женщины смертельно завидуют, а мужчины падают на колени, спотыкаясь друг о друга. Несмотря на все переживания, выглядит она года на двадцать три – ни днем старше. А в придачу нашла модистку, которая еще ни разу не задержала заказ! И во всем этом виновата ты, Судьба! Стыдись!

Куда деваться бывшему мужу?

Выяснять отношения с Судьбой скучно. Нам хочется увидеть то самое создание из плоти и крови, которое навлекло на героиню тяжкие испытания. Пусть им окажется давний муж, вернее, тот джентльмен, которого леди когда-то считала своим мужем. Собственно говоря, он действительно был мужем. Вот только не ее. Обстоятельство, естественно, смущало.

– Кто же в таком случае мой муж? – должно быть, спрашивала она себя. – Муж был, точно помню.

– Мужчин трудно различать, – замечает леди с богатым жизненным опытом. – В наше время все они одеваются одинаково. Думаю, кто именно достался, большого значения не имеет. Когда приводишь кого-нибудь из них домой, оказывается, что нет никакой разницы, так что особенно волноваться не стоит.

Наша героиня – беспечная женщина. Она то и дело теряет своего давнего супруга, а к тому же имеет дурную привычку находить пропажу в самый неподходящий момент. Не исключено, что именно в этом и состоит суть главной проблемы: что делать с мужем, который утратил полезные свойства? Иными словами, куда девать надоевшего спутника жизни? Если кому-нибудь отдать, все равно придет домой, как умный пес: хозяйева отвезли его в дальний конец королевства в закрытой корзине, а спустя три дня, тяжело дыша, верный друг снова появился на пороге. Если бросить где-нибудь посреди Южной Африки, обремененного тяжелым багажом и долгами, то можно не сомневаться: вернувшись после очередного медового месяца, первым увидишь именно этого типа.

Удивление героини при встрече с мужем кажется слегка неразумным. Судя по всему, она считает, что если забыла о человеке, то он не просто затерялся в пространстве, а навсегда покинул этот мир.

– Откуда же он взялся? – недоумевает героиня. – Прошло лет семь, не меньше. По закону природы уже не должно остаться ничего, кроме костей.

Героиня искренне негодует, обнаружив супруга живым, и не скрывает бурных чувств. Чудовище зачем-то явилось на вечеринку к собственной сестре, и оскорбленная жена умоляет о единственном одолжении: просит уехать туда, где его никто не увидит и не услышит – ни она сама, ни друзья и знакомые. О большем она не просит. Если ему угодно, то, хотя облегчающий стройную фигуру костюм и не приспособлен для физических упражнений, она даже готова встать на колени.

Негодяй жестоко отвечает, что не знает, куда деться. Тогда леди сама отправляется в путешествие и успевает посетить изрядное количество городов и стран. Между делом время от времени принимает приглашения провести уик-энд в домах и поместьях близких родственников отставного супруга. Выходит замуж за его двоюродного брата и вместе с его нынешней женой затевает организацию благотворительного базара. Несчастный не знает, как избавиться от неумной, вездесущей преследовательницы.

Проблема постепенно принимает конкретные очертания. Действительно, куда деваться бывшему мужу? Даже если всякий раз при приближении героини он будет прятаться под стол, кто-нибудь из присутствующих все равно обратит внимание и по неосторожности выдаст. Неужели остается единственный выход – выбрать ночь потемнее, привязать на шею кирпич и броситься в глубокий пруд?

Что должна делать леди, после того как покончит с мужем?

Мужчины ужасно эгоистичны. Подобная идея даже не приходит им в голову, а сама леди слишком добра, чтобы пойти дальше тонкого намека.

Возможно, во всем виновато общество. Да, в миг озарения героиня «проблемной драмы» внезапно осознает, что трудности уходят корнями именно в эту почву. Она всегда смутно подозревала неладное. Так почему же ни разу не задумалась? Столько лет напрасно обвиняла бедного старого отца, обижалась на мать за то, что та слишком рано умерла, ссылалась на особые обстоятельства, в которых прошло детство, предъявляла претензии глупому, никчемному мужу, которого ошибочно считала своим. А ведь все это время под самым носом продолжал преспокойно жить истинный виновник многочисленных несчастий, заслуживающий самого серьезного порицания. Героиня производит в гостиной небольшую перестановку и сообщает обществу, что думает о негодяе. Да, она отлично умеет говорить правду в глаза. Недостатки и промахи окружающих редко остаются незамеченными. Если люди ненадолго отвлекутся от обычных занятий и посмотрят на себя лучистыми глазами нашей очаровательной леди, то сразу поймут, что необходимо срочно принимать меры. Ну а если, осознав глубину падения, все-таки захотят жить дальше, пусть обратят взор на героиню. Она порождение современного общества, его плоть и кровь! Пусть все вокруг замрут в изумлении, а потом отправятся по домам и погрузятся в размышления.

Возможно ли, чтобы виноватой оказалась сама героиня?

Конечно, обвинив во всех грехах общество, мы избавляемся от тяжелого груза ответственности. На протяжении пьесы случались моменты, когда мы уже не знали, что и думать. Отец-ученый, рано скончавшаяся мать, давно забытый муж! Нелегко было осознать, что винить следует этих людей; порой хотелось замолвить словечко даже за них. Время от времени мозг болезненно пронзало ужасное подозрение: что, если и сама героиня небезупречна; что, если проблема не возникла бы во всей своей остроте и грандиозности, если бы леди чуть меньше думала о нарядах, чуть с меньшим самозабвением предавалась счастливому безделью, а взамен заставила бы себя собраться и, поняв, что мир не обязан вращаться вокруг единственной персоны, попробовала бы вести жизнь нормальной, приличной женщины?

Рассматривая обстоятельства во всем многообразии, хочется остановиться на самом нейтральном и безопасном варианте решения проблемы: во всем виновато общество. Давайте на этом и сойдемся.

VII

Цивилизация и свободные от работы граждане

Цивилизация обладает серьезным недостатком: она не обеспечивает людей необходимым количеством работы. Несложно представить, что в каменном веке человек был постоянно занят. Если не добывал себе обед, не поглощал добытое и не спал, наевшись, то бегал с дубиной, очищая родную территорию от всех, кого считал чужаками.

Здоровый обитатель эпохи палеолита презирал бы Кобдена ничуть не меньше, чем делал это мистер Чемберлен. Он ни за что не встретил бы нашествие неприятеля пассивным смирением. Воображение услужливо рисует образ древнего человека, пусть и необразованного, но активного до такой степени, которую трудно представить в нашу ленивую эпоху: вот он лезет на дерево за плодами какао, а в следующий момент уже разбрасывает камни и добывает из земли съедобные корни. В те времена, должно быть, любой спор проходил бурно и затягивался надолго, а фразы, которые в наши дни утратили смысл, воспринимались прямо и непосредственно.

Если древний политик заявлял, что ему удалось «сокрушить критика», это означало, что на поверженного неприятеля упало огромное дерево или обрушилось не меньше тонны земли. Если же сообщалось, что некий выдающийся член древнего общества «уничтожил оппонента», то родственники и друзья означенного индивида больше не проявляли интереса к судьбе последнего, поскольку знали, что его действительно не существует. Возможно, приложив усилия, удалось бы найти отдельные фрагменты, но основная часть безвозвратно исчезла. Ну а если приверженцы некоего пещерного жителя отмечали, что их предводитель размазал соперника по полу, они имели в виду не то, что оратор до посинения агитировал скучающую публику, состоящую из шестнадцати бездельников и одного репортера. Нет, скорее всего он по-настоящему схватил неугодного претендента за ноги и принялся таскать по камням до тех пор, пока в пещере не стало сыро и грязно.

Первые проявления демпинга

Не исключено, что однажды пещерный житель обнаружил, что орешник в округе перестал приносить достаточный урожай, и решил эмигрировать: даже в те времена политики не отличались несокрушимой логикой. В результате роли изменились. Защитник прежнего ареала превратился в чужака, явившегося туда, где его никто не ждал. Прелесть давних политических баталий заключалась в их невероятной простоте. Любой ребенок мог без труда понять каждую фразу, каждый логический посыл. Даже в среде последователей государственного деятеля эпохи палеолита не возникло бы разногласий по поводу истинного смысла его высказываний. В заключение прений ту партию, которая считала, что моральная победа осталась за ней, унесли бы подальше или аккуратно закопали прямо на месте, это уж как кому нравится. Дискуссию можно было считать закрытой до прихода на политическую арену нового поколения.

Не исключено, что подобные обычаи показались бы несколько утомительными, если бы не помогали скоротать время. Цивилизация дала жизнь определенному сегменту человеческого сообщества, которому нечего делать, кроме как развлекаться. Юности свойственно играть: играет молодой варвар, играет котенок, скачет жеребенок, резвится ягненок. И лишь человек продолжает играть, скакать и резвиться даже по достижении зрелых лет. Если бы кому-нибудь из нас довелось увидеть пожилого бородатого козла подпрыгивающим, словно

недавно появившийся на свет козленок, мы непременно решили бы, что животное сошло с ума. Но почему-то сами сбиваемся в тысячные толпы, чтобы посмотреть, как леди и джентльмены не первой молодости прыгают за мячом, принимают странные позы, бегают, толкаются, спотыкаются и падают. А когда зрелище подходит к концу, награждаем его участников серебряными расческами и зонтами с позолоченными ручками.

Представьте, что какой-нибудь любознательный инопланетянин рассматривает нас сквозь увеличительное стекло примерно так же, как мы порой рассматриваем муравьев. Наши развлечения наверняка приведут его в недоумение. Шары всех размеров и типов, начиная с маленьких мраморных и заканчивая большими кожаными, неизбежно вызовут бесконечные научные споры.

– Что это такое? Почему одни неразумные создания постоянно пинают и швыряют неведомый предмет, в то время как другие пытаются его поймать? Почему не оставят сферическую субстанцию в покое?

Не исключено, что инопланетные наблюдатели сделают вывод, что шар – некое злое существо, обладающее дьявольской силой и угрожающее благополучию человечества. Глядя на наши крикетные площадки, теннисные корты и поля для гольфа, исследователи решат, что некоторая часть населения Земли целенаправленно борется с неприятелем, чтобы спасти собратьев.

«Как правило, – прочитает в отчете начальство, – задание выполняют насекомые, наделенные особыми качествами. По сравнению с себе подобными они выглядят более яркими и шустрыми».

Крикет с точки зрения инопланетян

Далее в отчете будет написано примерно следующее:

«Можно сделать вывод, что сородичи содержат и кормят данный вид исключительно с одной целью. Не замечено, чтобы излишне активные члены колонии выполняли какую-то иную работу. Особей тщательно отбирают и упорно тренируют, для того чтобы впоследствии они бегали в поисках шариков различной величины, а заметив врага, без промедления его хватали и пытались убить. Однако круглые существа обладают исключительной живучестью. Встречаются, например, рыжие экземпляры средних размеров, на уничтожение которых требуется не меньше трех дней. Когда они попадают в поле зрения, со всех уголков страны немедленно созывают самых опытных бойцов. Они мчатся со всех ног и бросаются в битву, посмотреть на которую сползаются массы насекомых. Количество охотников по какой-то неведомой причине ограничено числом «двадцать два». Каждый по очереди хватается большой кусок дерева, со всех ног несется к шару, не важно, катится ли тот по полю или летит по воздуху, и безжалостно бьет. Когда жизненная энергия подходит к концу, он бросает оружие и прячется в палатку, где восстанавливает запасы с помощью большого количества жидкости, происхождение и состав которой определить не удалось. Тем временем другой боец поднимает оружие и яростно продолжает сражение. Жертва проявляет фантастическую изобретательность, пытаясь освободиться от мучителей, однако всякий раз ее ловят и возвращают обратно. Как показали наблюдения, существо ни разу не пыталось отомстить, ограничиваясь попытками к бегству, хотя время от времени – трудно сказать, намеренно или случайно, – оно наносит истязателям травмы, порой достаточно серьезные. Иногда страдают и зрители: сферическая субстанция то и дело бьет по голове или в область живота. Судя по бурной реакции, второй вариант более эффективен. Напрашивается вывод: активность небольших красных шаров находится в прямой зависимости от излучаемого солнцем тепла. В холодное время года они исчезают с поверхности Земли, уступая место шарам значительно большего размера. Бойцы сражаются с ними с равным остервенением, пытаясь убить уда-

рами ног и головы, а иногда норовят задушить, для чего целой дюжиной наваливаются на одного несчастного.

Еще один заклятый враг насекомых с планеты Земля – вполне безобидный с виду маленький белый шарик, отличающийся особой хитростью и изворотливостью. Существа этой породы селятся на песчаных полосках вдоль берега моря и на открытых пространствах поблизости от больших городов. Преследователи охотятся за ними с поразительным рвением; кроме ярости, всех участников травли объединяют румяный цвет лица и овальная форма туловища. Оружием в данном случае является длинная палка с металлическим наконечником. Один удар заставляет страдальца лететь почти четверть мили, однако удивительная живучесть позволяет избежать повреждений. Овальный охотник следует за жертвой в сопровождении насекомого меньшего размера, нагруженного арсеналом палок с наконечниками разной формы и величины. Даже несмотря на предательскую белизну, благодаря скромным размерам существу порой удается ловко спрятаться. В таких случаях возмущению преследователя нет конца. Он дико пляшет вокруг того места, где исчез шар, тычет палкой в близлежащую растительность и сотрясает окрестности душераздирающим рычанием, после чего начинает яростно колотить по земле, ломает оружие и в глубокой печали падает без сил. В этот момент совершается странный ритуал: все стоящие вокруг насекомые подносят ко рту правую руку, отворачиваются и, странно сотрясаясь, издают звуки, отдаленно напоминающие потрескивание. Пока не удалось выяснить, выражают ли они таким способом сочувствие и печаль или вызывают к своим богам, прося удачи в дальнейшем преследовании. Боец тем временем воздевает к небесам кулаки и обращается к высшим силам с какой-то особой, соответствующей случаю молитвой».

Наследник многовековой истории человечества и его достояние

В подобной же манере небесный соглядатай описывает бильярдные партии, теннисные чемпионаты и крокетные баталии. Должно быть, он не в состоянии предположить, что значительная часть наших окруженных Вечностью собратьев всю свою жизнь посвящает исключительно убийству времени. Один мой приятель средних лет, образованный джентльмен, имеющий степень магистра гуманитарных наук Кембриджского университета, недавно признался, что из всех жизненных достижений больше всего гордится умением послать мяч на ногу во время игры в крикет. Своеобразное восприятие действительности, не так ли? Певцы поют, строители строят, художники создают волшебные образы, воплощая мечты о прекрасном. Мученики нашли свою смерть во имя идеи; на костях невежества выросло знание; цивилизация на протяжении десяти тысяч лет сражается с жестокостью. И вот результат: образцовый джентльмен двадцатого века, наследник всех предыдущих веков, обретает высшую радость в точном ударе деревянной битой по мячу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.